

Наследство Валентины

Автор:

[Кэтрин Коултер](#)

Наследство Валентины

Кэтрин Коултер

Наследство #3Очарование (АСТ)

Назойливая девчонка Джесси Уорфилд поистине отравляла жизнь Джеймсу Уиндему не только бесчисленными проделками, но и раздражающей способностью вечно выигрывать скачки, оставляя его позади. Джеймс был уверен, что не питает к Джесси иных чувств, кроме неприязни. Но пути любви неисповедимы. И счастье иногда приходит, откуда его не ждешь.

Кэтрин Коултер

Наследство Валентины

Роман

Catherine Coulter

The Valentine legacy

© Catherine Coulter, 1995

© Перевод. Т. А. Перцева, 1997

Глава 1

Окрестности Балтимора, штат Мэриленд

Март 1822 года

Ипподром округа Слотер. Воскресные скачки

Последний заезд: полторы мили

Все кончено. Сейчас он проиграет – в этом нет ни малейших сомнений. И подумать только, кому – этой наглой соплячке Джесси Уорфилд!

За спиной, совсем близко, раздавался громовой стук копыт нагонявшего их Риальто: голова вытянута, каждый мускул под блестящей от пота шкурой напряжен.

Он в отчаянии оглянулся. Риальто мчался быстрее, чем любовник, застигнутый обманутым мужем в спальне жены. Да у этого проклятого пятилетки выносливости больше, чем у восточного шаха с кучей требовательных жен!

Джеймс пригнулся как можно ниже, почти припав к шее Тинпина. Он всегда разговаривал со своими лошадьми до и после скачек, чтобы как следует оценить их силы и настроение. Добродушный Тинпин напоминал ему открытую книгу. Как большинство скаковых лошадей, он был свирепым соперником и неутомимым борцом. И так же страстно стремился к победе, как и Джеймс. И проиграл всего однажды, когда неумелый жокей огрел его кнутом. Тинпин пришел в страшную ярость и чуть не убил чертова идиота, потеряв, конечно, при этом верное первое место.

Джеймс слышал прерывистое дыхание старика Тинпина. Он, скорее, непревзойденный спринтер в скачках на четверть дистанции, так что у Риальто перед ним преимущество как в силе, так и в опыте. Тинпин скакал полторы мили всего второй раз. Джеймс пришпорил лошадь, ласково нашептывая Тинпину, что он придет первым, взяв верх над этой жалкой, ни на что не годной скотиной. Что вполне способен лягнуть Риальто, названного к тому же в честь какого-то дурацкого венецианского моста. Нужно вырваться вперед именно сейчас, иначе будет слишком поздно.

Джеймс обещал задать Тинпину лишнее ведро овса, плеснуть шампанского в его воду. Конь прибавил ходу, но этого оказалось недостаточно.

Он проиграл всего корпус. Бока Тинпина вздымались, с шеи падали хлопья пены. Воздух с шумом вырывался из легких. Джеймс взял его под уздцы и начал вываживать, прислушиваясь к стонам и воплям толпы. Он поглаживал взмыленного коня, ласково повторяя, что Тинпин – храбрый и смелый борец и обязательно победил бы, если бы в седле сидел не Джеймс, а кто-то другой. И это, вероятно, было чистой правдой, черт возьми, несмотря на то что Джеймса единодушно считали истинным волшебником во всем, где дело касалось лошадей. Некоторые даже искренне верили, будто Джеймс чуть ли не сам переносил своих коней через финиш. Ну что же, все в прошлом. Теперь вряд ли кто поверит в это...

Собственно говоря, он пришел даже не вторым, а третьим. Вслед за Риальто меловую линию пересек еще один чистокровный гнедой из конюшен Уорфилдов – четырехлетка Перл Дайвер, в последний момент обогнавший Тинпина всего лишь на голову и нагло мазнувший хвостом ногу Джеймса.

В конце концов, не столь уж тяжелый круп был у Тинпина, и, кроме того, дистанция не так велика – не четыре, а всего полторы мили, и круп в данном случае особого значения не имеет! Беда в том, что сам Джеймс весил непомерно много. Будь на спине Тинпина всадник полегче, наверняка первое место было бы за ним!

Джеймс выругался, раздраженно хлопнув по сапогу хлыстом.

– Эй, Джеймс, чтоб тебе пропасть, из-за тебя я потерял целых десять долларов!

Джеймс с низко опущенной головой вел Тинпина к конюшне, где уже ждал конюх. Услышав знакомый голос, он постарался взять себя в руки и улыбнулся зятю, Джиффрду Попплону, решительно устремившемуся навстречу с видом укрощенного, приглаженного бычка – приземистый, широкоплечий, ни унции лишнего жира. Джеймс любил Джиффа и искренне радовался за свою сестру Урсулу, сумевшую заполучить такого мужа.

– Ты вполне можешь себе это позволить, Джифф! – крикнул он в ответ.

– Разумеется, но не в этом дело, – отмахнулся Джифф, шагая рядом неспешной, ленивой походкой. – Ты старался изо всех сил, Джеймс, но чертовски тяжел для жокея и прекрасно это знаешь. Остальные жокеи весят на четыре стоуна[1 – Стоун – мера веса, равная 14 фунтам. – Здесь и далее примеч. пер.] меньше, чем ты! Пятьдесят с лишним фунтов – чересчур большая разница!

– Черт возьми, Джифф, да ты просто гений! – сказал Джеймс, вставая в позу. – Жаль, я до этого не додумался! Мне казалось, подобное известно только знатокам!

– Ну, я много чего знаю! – объявил Джифф, ухмыляясь. – Черт, ни за что бы не поставил на тебя, если бы Урсула не настояла!

– Это отродье весит даже меньше, – вздохнул Джеймс.

– Отродье? А, Джесси Уорфилд! Это точно! Жаль, что бедняга Редкот сломал ногу во втором заезде. Вот это жокей! Ты прекрасно его обучил! Сколько он весит? Сотню фунтов?

– Девяносто! И знаешь, как он сломал ногу? Кто-то из жокеев прижал его крупом коня к дереву.

– Да, и я ужасно расстроился! Джеймс, я считаю, что кому-то пора позаботиться и ввести на скачках хоть какие-то правила. Вся эта бесконечная свалка просто смехотворна! Я читал, что в Виргинии перед самыми скачками отравили лошадь-фаворита.

– Может, это и смехотворно, – пожал плечами Джеймс, – и иногда опасно, но зато забавно, Джифф. Оставь все как есть, просто впредь не заключай пари с кем попало.

– Словно тебе не все равно! Эй, Ослоу, как поживаешь?

Ослоу Пенни управлял конным заводом Джеймса, однако в дни скачек становился главным конюхом, заботившимся о том, чтобы все кони были доставлены к месту соревнований целыми и невредимыми. Джеймс называл его ходячей устной энциклопедией коневодства, и члены «Мэриленд Джоки-клуб» безоговорочно с этим соглашались. Ослоу знал родословную каждой скаковой лошади от Южной Каролины до Нью-Йорка. Кроме того, он мог назвать каждого жеребца-производителя, каждую матку и все их потомство в Америке и Британии.

Ослоу шагнул к ним, что-то рассерженно бормоча себе под нос, и осторожно взял у Джеймса поводья. Он был кривоног, костляв, и таких сильных рук Джеймс ни у кого другого не видел. На морщинистом обветренном лице светились умом и пронзительностью карие глаза.

Слегка прищурившись от яркого солнца, он воззрился на Джифффорда.

– Доброе утро, сэр. Я-то в порядке, совсем как Лилли Лу на скачках в Виргиния-Хай-Эбб. Во всяком случае, лучше, чем мистер Джеймс. Ну а ты как, парнишка? Устал, верно? Но и ты сделал все, что мог, не то что Дауэр Кег, та кляча, которую старый Уиггинс еще выводит на скачки! Черт, я даже не помню, от кого он, вот до чего паршивая коняга!

– Ты ставил на мистера Джеймса, Ослоу?

– Только не я, мистер Попплтон, – хмыкнул Ослоу, проводя заскорузлой, покрытой вздувшимися венами рукой по шее Тинпина. – Обязательно поставил бы, если бы на малыше скакал Редкот, но мистер Джеймс слишком отяжелел, совсем как Литл Нелл, которая так разъелась, что с трудом дотащилась последней до финиша на скачках Дики в Северной Каролине.

– Как по-твоему, я справился бы лучше? – засмеялся Джифффорд.

– Взгляните на свои руки, мистер Попплтон, – пожал плечами Ослоу, презрительно сплюнув. – Прошу прощения, сэр, но у вас здоровенные тупые ручищи, совсем не то что у мистера Джеймса, у которого пальцы, словно волшебные палочки!

– Спасибо и на этом, – буркнул Джеймс. – Ну, Джиффорд, пойдем-ка к Урсуле. Надеюсь, вы не привезли с собой матушку?

Потрепав Тинпина по холке, он отошел.

– Нет, слава Богу. Она пыталась отговорить Урсулу от поездки в это богопротивное место.

Джеймс рассмеялся. Улыбка еще не успела сойти с губ, когда он увидел девчонку Уорфилд, шагавшую прямо к ним. Ни дать ни взять мальчишка, особенно в этой жокейской шапочке, из-под которой выбивались огненные пряди. Лицо покраснело на нестерпимо палящем солнце. На носу россыпь веснушек.

Он не хотел останавливаться, но пришлось, хотя это оказалось чертовски трудно. Конечно, лучше бы век ее не видеть, но он все-таки джентльмен, чтоб ее...

– Поздравляю, – выдавил из себя Джеймс, пытаясь разжать зубы. Она неизменно брала над ним верх с тех самых пор, когда была четырнадцатилетним неуклюжим подростком с острыми коленками, но он так и не смог к этому привыкнуть и каждый раз с трудом удерживался от грубости.

Джесси Уорфилд, не обращая ни малейшего внимания на Джиффорда Попплтона, вице-президента балтиморского «Юнион-бэнк», решительно встала перед Джеймсом и, прищурившись, объявила:

– Вы хотели спихнуть меня в канаву на втором круге.

Темно-русая бровь издевательски приподнялась.

– Неужели?

Джесси встала на носочки, оказавшись нос к носу с Джеймсом.

– Вы прекрасно это знаете! И не пытайтесь лгать, Джеймс. Не будь я чертовски хорошим жокеем, наверняка свалилась бы! Но я удержалась в седле. Удержалась и как следует вас проучила!

– Совершенно верно, – небрежно бросил Джеймс, у которого так и чесались руки наподдать ей!

Вот и говори после этого о порядочности! Что взять с женщины! Будь на ее месте мужчина, тому и в голову не пришло бы напоминать проигравшему сопернику о неудаче. Впрочем... когда он все-таки выиграет, постарается хорошенько ткнуть ее носом прямо в грязь!

– Знаете, у вас губы потрескались, – ехидно сообщил он. – И даже с этого расстояния можно пересчитать все ваши веснушки! Одна, две, три... Господи, да на это уйдет не меньше недели!

Девчонка мгновенно отскочила.

– Попробуйте снова выкинуть такое и отведаете моего хлыста! – прошипела она и, прежде чем гордо удалиться, облизнула обветренные губы и погрозила Джеймсу.

– Но, Джеймс, – вмешался Джиффорд, – похоже, ты действительно собирался сбросить ее в канаву.

– Да, но понарошку. Просто хотел немного отвлечь ее. Но это чепуха по сравнению с тем, что она устроила мне на июньских скачках в Хэклфорде.

– И что же она сделала, это грозное создание?

– Я попытался потеснить ее немного, только чтобы проучить. Но она знает все грязные трюки! Так или иначе, девчонка немного отвела коня, как раз настолько, чтобы тот лягнул меня в ногу, притом с такой силой, что я вылетел из седла!

Джиффорд засмеялся, думая, что Джеймс все-таки довел девицу Уорфилд до точки кипения. Глядя вслед гордо удалявшейся Джесси Уорфилд, игравшей на ходу кнутом, он осведомился:

– Она выиграла те скачки?

– Нет, пришла последней. Потеряла равновесие и врезалась в другую лошадь. Началась настоящая свалка. Конечно, выглядело бы крайне смешно, если бы я не катался в это время по земле, пытаюсь защититься от копыт. Только посмотри на нее, Джифф! Выше всех моих знакомых дам, смотрит мужчинам прямо в глаза, и, глядя на нее со спины, никто не скажет, что это женщина.

Джифф вовсе не был так уж уверен в правоте Джеймса, но мог понять гнев шурина, и поэтому лишь мягко заметил:

– Она прекрасная наездница.

– Да, надо отдать должное соплячке, черт возьми!

– Кто это рядом с Урсулой?

– Еще одна дочь Уорфилдов. Их всего трое. Старшая и самая младшая абсолютно не похожи на эту негодяйку. Обе прелестны, хорошо воспитаны, настоящие леди... правда... вероятно, не совсем, но все же достаточно близки к такому определению. Это Нелда, старшая. Замужем за Браменом Карлайслом, миллионером-судовладельцем. Пойдем я познакомлю тебя. Вы, наверное, не встречались, потому что обе дочери жили с тетей в Филадельфии и приехали сюда только два месяца назад.

– Брамен Карлайсл? Господи, Джеймс, да Карлайсл старше, чем форт Мак-Генри! Он сражался еще в революцию! И был свидетелем капитуляции Корнуоллса в Йорктауне. Древнее самой Земли! Сколько лет этой Нелде?

– Года двадцать два.

Джиффорд лишь фыркнул в ответ.

Явно раздраженная чем-то, Урсула послала в сторону мужа взгляд, обещавший неземное блаженство, если тот постарается избавить ее от Нелды Карлайсл.

Джиффорд с апломбом богатого банкира, каковым он и являлся на самом деле, галантно снял шляпу:

– Миссис Карлайсл, как я счастлив наконец познакомиться с вами!

– Взаимно, мистер Попплтон. Ах, Джеймс, примите мои сожаления по поводу последнего заезда. Джесси выиграла, хотя совершенно незаслуженно! Все дамы вокруг со мной согласились! Просто отвратительно! Уверена, отец поговорит с ней и как следует отчитает! Такое поведение недостойно настоящей леди и позор для всей семьи!

– Ваш отец, несомненно, побеседует с ней, Нелда. И вероятно, выпьет за ее здоровье лучшего шампанского! Ах, не смущайтесь, она чертовски хороша! Вам стоило бы петь ей дифирамбы, – неожиданно для себя бросился на защиту девушки Джеймс. Господи, что же он за ублюдок!

– Что вы! – вздохнула Нелда, пристально разглядывая носки туфельек. – Подумать только, жокей! Что за увлечение для молодой девушки! – И, слегка вздрогнув, добавила: – Клянусь, я не могу пойти ни к кому на чай без того, чтобы...

Джеймс, который втайне был уверен в том, что Джесси заслуживает хорошей порки, еще с большим упрямством выпалил:

– Она превосходная наездница. Вам следует быть немного терпимее, Нелда. Она просто не похожа на остальных, вот и все.

– Возможно, – согласилась Нелда, легонько касаясь затянутыми в перчатку пальцами его плеча. – Ваша лошадь прекрасно скакала.

– Не так прекрасно, как лошади вашего отца.

– Все дело в том, что вы слишком рослый, Джеймс. Кстати, вы не приехали меня навестить. Теперь, став старой, почтенной замужней дамой, я чувствую себя гораздо свободнее, чем раньше.

Урсула тактично откашлялась.

– Что ж, Нелда, передайте привет Брамену. Нам нужно поскорее возвращаться. Мама гостит у нас до понедельника.

Теща. Джиффорд предпочел бы остаться здесь до полуночи. Его теще Вильгельмине не было равных. Джеймс, в отчаянной попытке сохранить рассудок, два года назад переселил мать из своего дома в Марафоне в очаровательный особнячок из красного кирпича на Джермен-сквер, недалеко от центра Балтимора. Тем не менее она частенько навещала Урсулу и Джиффорда, благо жила всего в миле от элегантного четырехэтажного здания, где обитали дочь с зятем, заявляя при этом, что задыхается в стенах своей крошечной убогой лачуги. Впрочем, она жаловалась непрерывно и каждую минуту пребывания в доме дочери.

Однако Нелда не подумала распрощаться и вместо этого лишь подвинулась ближе к Джеймсу.

– Надеюсь, дорогая Вильгельмина может подождать еще немного! Джеймс, мой дражайший муж упоминал о том, что вы собираетесь навсегда поселиться в Балтиморе.

– По крайней мере на этот год, – ответил Джеймс. – Кендлторп, моя йоркширская племенная ферма, в хороших руках. Марафон же, напротив, требует много сил и внимания.

– Марафон?

– Я назвал свой конный завод, вспомнив того эллинского воина, который погиб от разрыва сердца, успев перед этим добежать до Афин и рассказать о победе над персами при Марафоне. Будь у него одна из моих лошадей, он остался бы жив после того, как сообщил радостное известие.

– Но, Джеймс, – кокетливо надула губки Нелда, – вам следовало бы выбрать другое название, что-то более достойное, легче узнаваемое. Марафон звучит как-то уж слишком по-иностранному.

– Это и есть иностранное название, – вставила Урсула, – и довольно неприятное.

– О! – внезапно воскликнула Нелда, помахав рукой. – Это Элис и Аллен Белмонд. Сюда, Элис!

Джеймс словно оцепенел. Он взглянул на Джиффа, который, подмигнув шурина, весело воскликнул:

– Добрый день, Элис! Прелестно выглядите! Белмонд, – добавил он, кивнув человеку, который женился на Элис из-за приданого и теперь пытался вытянуть у тестя как можно больше денег, что, к счастью, ему не всегда удавалось. Он старался разбогатеть на скачках, что, по мнению Джеймса, было так же сложно, как жениться на богатой девушке; впрочем, последнее Белмонду удалось довольно легко. Однако сегодня его лошадь пришла шестой из десяти.

От мрачных мыслей Джеймса отвлекли слова Белмонда:

– Я хотел бы, чтобы Соубер Джон покрыл одну из моих кобыл, Суит Сьюзи. Ваши цены высоки, Уиндем, но, возможно, дело того стоит.

– Пожалуйста, – небрежно бросил Джеймс и поскорее обратился к Элис: – Мне нравится ваша шляпка. Розовое вам идет.

Элис покраснела, как всегда, легко, словно по команде – свойство, которому Джеймс не переставал удивляться. Его так и подмывало объяснить ей, что такие вещи далеко не столь действенны, а уж на него совершенно не влияют. Но он знал Элис с детства и искренне ей симпатизировал и потому всего лишь улыбнулся, когда она сказала:

– Вы так милы со мной, Джеймс, и мне ужасно жаль, что вы проиграли, но я рада, что Джесси победила. Разве она не изумительна? Я только сейчас говорила Нелде, как восхищаюсь Джесси. Она делает все, что ей вздумается, и не подчиняется власти бесконечных скучных правил!

– Но этикет специально и создан для защиты дам, – вмешался Аллен Белмонд, похлопав жену по плечу, очевидно, не слишком нежно, поскольку Джеймс заметил, как поморщилась Элис. – Им не следует жаловаться на правила.

– Да, конечно, Джесси поступает так, как угодно ей, – согласилась Урсула. – Пойдем, Джеймс, нам пора. Нелда, передайте мужу наше почтение. Элис и Аллен, желаю хорошо провести день. Увидимся завтра в церкви.

Джеймс улыбнулся Нелде, поспешно шагнувшей к нему навстречу.

– От меня пахнет, как от взмыленного коня, поэтому вам лучше держаться подальше. Если увидите отца, передайте, что сегодня я буду в его конюшнях с бутылкой лучшего кларета, хотя уверен, что он уже на это рассчитывает. Пусть злорадствует сколько душе угодно.

– Вы и мой отец по-прежнему пьете вместе?

– Когда я выхожу победителем, он появляется в Марафоне с бутылкой шампанского.

– Но в таком случае, – заметила Элис, – вам следует привезти кларет Джесси. Именно она сегодня победительница, а не ее отец.

– Но это его конюшня, – возразил Джеймс, жалея, что здесь нет соплячки, – по крайней мере можно было бы снова пересчитать ее веснушки. Это в два счета отбило бы у нее охоту открывать рот в присутствии старших.

– Я все расскажу матери, – пообещала Нелда. – Отца в последнее время почти не вижу. А что касается Джесси... к чему нам встречаться? Не правда ли, она ужасно странная? И я не согласна с Элис, что бы она ни говорила. Дамам необходим этикет, иначе что стало бы с цивилизацией?! И очаровательные джентльмены нужны, чтобы защищать нас, наставлять, ободрять и...

– Какой длинный список, – пробормотала Урсула, нетерпеливо сжимая руку мужа. Джеймс, чистосердечно считавший Джесси самым неестественным и неприятным созданием противоположного пола, торопливо вступился:

– Она вовсе не такая уж странная, Нелда. И кроме того, Джесси – ваша сестра. Не расстраивайтесь и до свидания. Джифф, увидимся завтра.

– Мама тоже будет в церкви, – мрачно напомнила Урсула, хотя ее глаза лукаво сверкнули.

– Что ж поделаешь, – пробормотал Джеймс и, самоуверенно усмехнувшись, начал пробираться сквозь редешую толпу.

– Ну, – объявила Нелда Карлайсл, сияя ослепительной, как полуденное солнце, улыбкой, – и мне тоже пора. Урсула, надеюсь, теперь, когда мы обе стали замужними дамами, будем видеться почаще. Возможно, я выберусь навестить тебя! Мне в конце концов удалось убедить мистера Карлайсла купить очень милый городской особняк на Джордж-стрит. Это довольно близко от твоего дома, не так ли?

– Да, – согласилась Урсула, при этом со злостью подумав: «Я немедленно перееду на Феллз-Пойнт, если ты появишься в городе, Нелда. Была б ты немного поделикатнее, заигрывая с моим бедным братом! О Господи, какой громкий скандал разразится, если Нелда умудрится подцепить Джеймса на крючок! Нет-нет, брат никогда не охотится в чужих угодьях!»

Урсула и Джифф молча наблюдали, как Нелда наклоняется к Элис, которая была гораздо ниже ростом, кладет руку на ее рукав и что-то говорит, а потом мило улыбается Аллену Белмонду, хотя, насколько знала Урсула, она терпеть его не может.

– О чем ты думаешь, Урс?

– Я? О, всего лишь о том, что Феллз-Пойнт – прелестное местечко.

– Ты там была недавно?

– Нет, просто поверь мне на слово.

Глава 2

Если бы лорд Дерби в 1780 году не угадал, какой стороной упадет монета, возможно, сейчас это называлось бы Кентукки Банбери.

Исторический анекдот

Светила огромная круглая луна. Сейчас, в конце марта, погода была довольно теплой – лишь легкий ночной ветерок шелестел в ярко-зеленой весенней листве, только что распутившейся на огромных старых дубах, росших вдоль подъездной аллеи фермы Уорфилдов.

Джеймс трусил рысцей на Соубер Джоне, жеребце таком же сером, как оловянная чаша великолепной работы, украшавшая обеденный стол в гостиной, насвистывая при этом английские политические куплеты, с год назад сочиненные Дачесс[2 - Героиня книги К. Коултер «Наследство Уиндемов» по прозвищу Дачесс – герцогиня.]. Дачесс, иначе говоря, графиня Чейз, одна из английских Уиндемов, была неиссякаемым источником новых и весьма остроумных идей. Впрочем, это неудивительно, если учесть полнейшее безумие Георга IV и невыносимый идиотизм британских политиков, постоянно снабжавших ее невероятно скандальными сюжетами. Кроме того, и мелодия оказалась запоминающейся и, конечно, довольно лихой.

Джеймс улыбнулся, представив, как Маркус Уиндем, граф Чейз и муж Дачесс, лежа в ванне, поет во весь голос куплеты ее сочинения, а горничные, пробегая по коридору мимо огромной хозяйской спальни в Чейз-парк, переглядываются и весело хихикают.

Джеймс легонько потрепал коня по холке. Двадцатилетний жеребец был главной надеждой и опорой конного завода. Его отпрыски участвовали в скачках на четыре мили по всей Америке – от Массачусетса до Кентукки. Соубер Джон был чистокровным породистым конем, настоящим стайером, о выносливости которого ходили легенды. Теперь же его слава жеребца-производителя обошла все племенные фермы.

Яркий лунный свет отражался от белоснежной деревянной ограды, также выстроенной вдоль подъездной аллеи. Племенная ферма и конюшни Уорфилдов были доходным и хорошо управляемым предприятием. Джеймс восхищался ими и мечтал лишь о том, чтобы в один прекрасный день добиться такого же успеха с Марафоном. Особенно нравился ему этот белый бесконечный забор,

простиравшийся насколько хватало глаз и исчезающий в темноте за дубовой рощицей. Господи, сколько же сил понадобилось, чтобы выкрасить эту проклятую изгородь!

Он подъехал к конюшням, и молодой чернокожий раб выбежал навстречу, чтобы взять у него поводья. Джеймс швырнул ему монету:

– Разотри его хорошенько, Джемми.

За спиной раздался густой хриплый бас:

– Продай мне Соубер Джона.

– И не мечтай об этом, Оливер.

Хозяин и гость обменялись рукопожатием. Волосы старика были еще краснее, чем у соплячки, хотя в отличие от ее косм были пронизаны серебряными прядями и казались такими же серовато-рыжими, как щетка, которой Джеймс каждое утро причесывался. Выцветшие голубые глаза, тоже не похожие на глаза соплячки, – влажно-зеленые, цвета мокрого мха на берегу пруда с грязной водой, в самой середине болот, – пристально смотрели на гостя.

– На сегодняшних скачках у тебя было четыре победителя – и все они от Фра Така. Эта двухлетка Мисс Луиза – она еще долгие годы будет брать первые места, если с ней ничего не случится, конечно. Тебе Соубер Джон ни к чему.

– Да будь он моим, ты бы навсегда остался не у дел, мой мальчик.

– Надеюсь, эта мысль грызет тебя по ночам, не давая спать.

Оливер тяжело вздохнул.

– Я старею. Недуги и без того лишают сна. О дьявол, да будь мне столько лет, сколько тебе, я бы украл Джона, вызвал бы тебя на дуэль и всадил пулю в живот. Но теперь мне остается лишь подвывать и лаять, словно старому беззубому псу.

– Старому псу, который обожает кларет.

Оливер Уорфилд расплылся в улыбке, обнажив потемневший передний зуб, которому скоро предстояло пасть жертвой дантиста.

– У тебя три победителя – не так плохо для новичка в этом деле, и было бы больше, не сломай ногу твой жокей Редкот.

– Он не сломал бы ее, если бы этот мерзавец из Ричмонд Рай не прижал его к дереву.

– Тебе следует раздать своим жокеям пистолеты, Джеймс, некоторые владельцы так и поступают, сам знаешь. Входи, мальчик мой. Где кларет? Мне не терпится немного позлорадствовать. Джесси велела мне как следует над тобой поиздеваться, особенно после того, что ты пытался с ней сегодня сделать.

– Вряд ли это возможно.

– Что именно?

– Пытаться сделать что-то с Джесси. По-моему, она просто смазывает седло клеем, прежде чем сесть. Мне пришлось бы силой ее отрывать!

Джеймс направился вслед за Оливером в большую контору, пристроенную в конце конюшни. Здесь уже горели четыре лампы. В воздухе стояла густая смесь запахов кожи, лошадиного пота, сена и льняного масла. Джеймс полной грудью вдыхал знакомые, любимые с детства запахи. Оливер показал ему на глубокое кожаное кресло, а сам, откупорив бутылку, налил себе и гостю по солидной порции кларета.

– За твою победу, – выдавил из себя Джеймс ненавистный тост. Оливер прекрасно понимал это, старый ублюдок.

– За мою победу, – подтвердил он, чокаясь с гостем, и осушил залпом едва ли не полбокала. – Много народу было сегодня на скачках? Мне пришлось уехать пораньше. Проклятая подагра с каждым годом становится все подлее.

– Доктор Денси Хулахен, конечно, не раз предупреждал тебя, что кларет вреден при подагре.

– В таком случае тебе нужно выигрывать почаще.

– Черт, не я же виноват в твоей подагре.

– Не ты, так твой проклятый кларет. Стоит мне выиграть, и ты уже тут как тут, да еще и с бутылкой.

– Да, лучшего чертова кларета.

Оливер Уорфилд, широко улыбнувшись, вновь поднял бокал.

– За мою проклятую подагру и твой чертов превосходный кларет. Ну, мальчик, много ротозеев явилось на скачки?

– Довольно много, и среди них немало дам, что само по себе неплохой знак. Пуритане из кожи вон лезут, чтобы объявить скачки вне закона, но, думаю, здесь у них ничего не выйдет. Таких грешников, как мы, не сосчитать.

– Это верно. Ах, как приятно позлорадствовать! Я всегда после этого чувствую себя лучше. В теплый солнечный день никогда нет недостатка в зрителях. Жаль, что я не высидел до конца.

– И для пущего веселья несколько человек переломали кости, – буркнул Джеймс. – Послушай, Оливер, я лишь немного подтолкнул Джесси. И не пытался по-настоящему сбросить ее. Просто хотел стереть с ее рожицы эту ухмылку.

– А она утверждает совсем другое, но, говоря по правде, Джесс всегда недолюбливала тебя, Джеймс. Не понимаю, почему она так тебя не выносит. Странно, моя девочка ничуть не похожа на ханжу, нет, сэр, только не она. Но вот с самой первой встречи терпеть тебя не может... когда это было? Не меньше шести лет назад. Совсем малышкой была.

– Она в жизни не была малышкой! И в четырнадцать лет особенно – одни ноги да острый язык.

– Что же, наверное, ты прав, – согласился Оливер. – Зато она здорово побила тебя, Джеймс.

Джеймс налил себе и ему еще кларета.

– За твою победу, – снова повторил он, зная, что придется еще не раз произнести эти слова, прежде чем вечер окончится. Господь свидетель, чтобы дожить до этой счастливой минуты, ему понадобится немало кларета.

– Так много побед за все эти годы, – задумчиво произнес Оливер, ослабив галстук.

Возраст давал ему право иногда пофилософствовать, особенно с Джеймсом, молодым и неопытным. Правда, выигрыш куда лучше философии, но и то и другое... о чем еще мечтать пожилому человеку?!

– Тебе, конечно, известно, что конюшни Уорфилдов были построены еще в начале восемнадцатого века моим дедом. Да-да, он как раз приплыл из Бристоля, худой, как палка, оттого, что все плавание его выворачивало наизнанку. Приехал всего с одной скаковой лошадей, но полный юношеского оптимизма...

Оливер сделал большой глоток и вздохнул.

– От отца к сыну, от отца к сыну. По мужской линии. А я... только и смог, что наплодить кучу дочерей. Три чертовы девки! Достаточно, чтобы довести до слез любого мужчину.

– Ты говоришь о них, как о кобылах Карла Второго.

– Нет, они не столь высоко ценятся!

– Может, это начало женской линии Уорфилдов.

– Вряд ли. На что годятся девчонки? Выходят замуж, покидают родительский дом, изменяют фамилии и рожают – детей, а не жеребят. Я не жалею. Таково

их предназначение. Погляди на моих женщин. Всего один муж, да и то старше меня. Видел его тощие ножки и огромное брюхо? Весь сморщенный, как прошлогодняя картошка! Я всего лишь покачал головой да сказал Нелде, что она круглая дура, но ее мамаша велела мне не совать нос в чужие дела и заниматься лошадьми. Старый Брамен богат, ничего не скажешь. Что прикажешь делать отцу?!

– Нелда, кажется, счастлива, – не колеблясь объявил Джеймс, покривив душой. – Я видел ее сегодня. Не волнуйся, Оливер, что сделано, то сделано. Наслаждайся жизнью со всеми ее недугами и болячками. Скоро получишь еще одного зятя. Гленда – красивая девушка с хорошим приданым, мужчины так и вьются около нее. О чем тебе тревожиться?

– Ты забыл о Джесси.

– А в чем дело?

Джеймс отхлебнул кларета. Бокалы были старыми, с отбитыми краями, но неплохого качества и когда-то украшали обеденный стол. Наверное, миссис Уорфилд до сих пор свято верит, что они давно уже выброшены на помойку.

– Она повзрослеет, забудет о той чепухе, которой забита ее голова, и захочет стать женой и матерью, как все остальные женщины, только дай ей время.

– Бедняжка. Ей следовало родиться мальчиком. Джесси вся в меня, сплошные гордость, упрямство и ехидство. Даже унаследовала мои рыжие волосы. А что касается веснушек на носу... миссис Уорфилд все твердит, что в этом моя вина, не стоило, мол, ей разрешать носиться по полям и лугам, как дикому жеребенку.

Джеймс ничего не ответил. Обоим было прекрасно известно, что у леди не должно быть ни веснушек, ни обветренных губ.

Оливер Уорфилд мрачно свел густые красные брови.

– Джесси не хочет выходить замуж. Сама сказала мне это на прошлой неделе.

Джеймс совсем притих. Взглянув на почти пустую бутылку кларета, он пожалел, что не принес две.

– Заявила, что все мужчины свиньи, эгоисты и к тому же близоруки.

– Немного сильно сказано даже для такой ехидины, как Джесси, не находишь?

– Ей никогда не хватало терпения и выдержки там, где дело не касалось лошадей.

– В жизни не считал себя близоруким.

– Ты молод. И конечно, близорук. Поэтому Нелда и вышла за старого Брамена. Устала тебя дожидаться. Правда, теперь это уже не важно. У Брамена денег больше, чем мы с тобой, вместе взятые, скопим за всю жизнь. Только не вздумай стать любовником Нелды. Да, Джеймс, я не глухой и не слепой и знаю, что Нелда хотела бы затащить к себе в постель здорового молодого мужчину. И хочет она именно тебя. Но что мне делать с Джесси? Налей-ка еще кларета. У тебя хороший погреб, Джеймс. Думаю, пора заставляя проигравшего приносить две бутылки. Сегодня явно не хватило. Но как я уже говорил, миссис Уорфилд во всем винит меня, дескать, я разрешил Джесси носить бриджи и ездить верхом по-мужски, и теперь она совсем не похожа на женщину и превратилась в какое-то странное, неестественное создание. Джесси все твердит, что быть женщиной скучно, а юбки слишком ее стягивают. Заявляет, что не собирается гулять в туфлях, которые постоянно жмут. И не желает обращаться с мужчинами так, будто все они до единого умны и очаровательны, ведь это чистое вранье. Мужчины женятся и толстеют, а потом еще и рыгают за обедом. Она считает всех их идиотами, которые к тому же ничего не смыслят в верховой езде. Не знаю только, что она хочет всем этим сказать, но зато Джесси – чертовски хороший жокей, уж это точно. Вот Гленда у нас красотка, в самый раз для тебя и к тому же настоящая леди. Согласен, Джеймс?

Джеймс поспешно глотнул кларета. Он не так уж хорошо знал Гленду, но, судя по страдальческим взглядам Урсулы, девушка избалована так же, как и ее прелестная сестрица. По крайней мере Джесси нельзя назвать капризной. Просто соплячка, но ничуть не испорчена. Что же касается Гленды, та играла на арфе и декламировала стихи, которые сама же сочиняла. От декламации ему удалось отделаться, но вот от музыки...

– Гленда любому мужчине станет прекрасной женой. Милая и такая воспитанная!

Джеймс что-то буркнул. Гленда была маленькой и кругленькой, с прелестными грудками, которые привыкла обнажать гораздо сильнее, чем остальные знакомые девушки. Иногда она жеманно пришепetyвала, что, по-видимому, было в большой моде среди балтиморского общества. Кроме того, она имела весьма неприятную привычку время от времени пристально разглядывать проступающие сквозь брюки чресла. Однажды Джеймсу пришлось поспешно скрыться за огромной комнатной пальмой, чтобы избежать подобных знаков внимания.

Он допил кларет. Сладкое тягучее вино теплым комом покатилося в желудок.

– Я здесь, чтобы позволить тебе позлорадствовать, Оливер, только и всего, так что оставь свои попытки женить меня на одной из оставшихся дочерей.

– Верно, но нужно же человеку думать о будущем! Если женишься на Гленде, сможешь объединить заведение Уорфилдов со своим Марафоном. Как велика твоя племенная ферма в Англии?

– Кэндлторп? Вполовину меньше Марафона. Граф Ротермир, который владеет...

– Я знаю все о семействе Хоксбери, Джеймс. У него один из лучших заводов в северной Англии. Я слышал, Филип Хоксбери женился на шотландке, настоящей волшебнице во всем, что связано с лошадьми.

– Да, Френсис молодчина. Просто поразительно, как она разбирается в лошадях! Она и Зигмунд, мой старший конюх, присматривают за моим жеребцом-производителем, пока я в Америке. Соубер Джон у меня от Экстази, из конюшен Ротермира, а его лошади – потомки араба, Годолфина.

– Продай мне Соубер Джона.

– Забудь об этом, Оливер.

– Придется, – кивнул Оливер. – Но я от тебя не отстану; может, придется даже послать одну из моих девочек, чтобы тебя смягчить.

– Только не Джесси. Она скорее сунет мне кинжал между ребер!

Джеймс вытянул длинные ноги.

– Больше тебе не побить меня, Оливер, – объявил он, прикрыв глаза и скрестив руки на груди.

– С чего ты взял, мой мальчик?

– Посмотрим, старик, посмотрим.

Открыв глаза, он протянул хозяину пустой бокал. Оливер фыркнул и влил в бокал несколько оставшихся капель кларета. В этот момент раздался оглушительный треск, вопль и глухой стук от удара об землю.

Мужчины мгновенно оказались на ногах и помчались к двери конторы, но, не успев выйти, ошеломленно застыли.

– Какого черта? – взорвался Оливер Уорфилд при виде дочери, одетой как мальчишка и успевшей запихнуть волосы в шерстяной колпак.

Соплячка лежала на спине, широко раскинув руки и ноги. По всей видимости, она рухнула сверху прямо в кормушку, по счастью, заполненную сеном.

– Джесси! Во имя Господа, что тут случилось? Ты жива, девочка? Сломала что-нибудь? Да скажи ты хоть слово!

Послышался тихий неубедительный стон.

Джеймсу было достаточно одного взгляда на дрогнувшие ресницы, чтобы заявить:

– Таких, как она, ничто не берет. Я скажу тебе, что она делала. Соплячка сидела наверху, подслушивала и подсматривала, вперившись в щели между балками. Верно, Джесси?!

Глава 3

– Отвечай, девчонка! – прогремел Оливер, легонько похлопав дочь по щеке. Она снова застонала, но Джеймс не собирался ей сочувствовать. Призвав на помощь английское высокомерие, тоном, который, по мнению Джеймса, мгновенно заставит Джесси обо всем позабыть и ринуться в атаку, он бросил:

– Да скажи что-нибудь, Джесси. Твой отец и я желаем поскорее вернуться к нашему кларету. Ты, как всегда, не вовремя. И если немедленно не встанешь, я вылью тебе на голову ведро воды. Это сразу тебя приободрит. Оливер, посмотри, кажется, на поверхности плавает зеленая пленка? И немного плесени?

Джесси Уорфилд неохотно открыла глаза, противясь искушению опрокинуть ведро на Джеймса Уиндема. Больше всего на свете ей хотелось бы исчезнуть, но ничего не оставалось, кроме как смело встречать грозу.

– Со мной все в порядке, папа. Упала, но просто немного ушиблась, только и всего.

– А по-моему, тебя с рождения ушибли головкой, – проворчал Джеймс, протягивая ей руку. Джесси уцепилась за нее, позволила вытянуть себя из кормушки и принялась долго, старательно отряхиваться.

– Ты вправду подслушивала, как сказал Джеймс? – допрашивал Оливер.

Она продолжала отряхиваться с преувеличенным усердием.

– Ну же, Джесси, сознайся, конечно, ты не отрывала уха от пола. Наверное, хотела узнать, не выдам ли я каких-нибудь скаковых секретов.

– Собственно, – процедила Джесси, глядя Джеймсу прямо в глаза и легко попадаясь на удочку, – ваши секреты ничуть меня не интересуют. Вы и половины того не знаете о скачках, сколько я, Джеймс!

– Но, Джесси, Джеймс только сейчас признал, что, несмотря на то что он бывает близорук, это у него от излишней молодости.

– О чем ты толкуешь, папа?

– Разве не помнишь? Сама сказала, что не хочешь выходить замуж, потому что все мужчины – свиньи, эгоисты и близоруки.

– Ты ведь слышала, Джесси, как я признавался в своей близорукости? Откровенно говоря, ты слышала все. Освежи мою память. Кажется, мы говорили о тебе и твоих бесчисленных недостатках?

Джесси опустила глаза, и он посмотрел на девушку сверху вниз. Для этого ему не пришлось слишком сильно наклоняться, поскольку соплячка была чертовски высокой и почти такой же длинноногой, как он сам.

– Что это у тебя на щеках и на носу, девочка?

Джесси схватилась руками за лицо, поспешно отступила, ударилась о кормушку и снова повалилась в сено, размахивая руками.

Джеймс рассмеялся, покачал головой и пояснил:

– По-моему, Оливер, твоя дочь пытается вывести веснушки каким-то зельем, известным лишь женщинам, что заставляет меня гадать, откуда она узнала рецепт.

– Но, Джеймс, Джесси все-таки девушка. Да вот, помню, она не смогла скакать в прошлом месяце, потому что...

Оливер испуганно осекся. Его дочь на этот раз самостоятельно выкарабкалась из кормушки и без единого слова метнулась к двери, оставив ужасно сконфуженного, молчаливого отца и такого же безмолвного Джеймса Уиндема.

– Э-э-э... – наконец, запинаясь, выговорил Оливер, – расскажи мне о графе и графине Чейз. Как ты думаешь, они когда-нибудь приедут в Мэриленд?

Джеймс рассеянно кивнул. Неожиданный полет Джесси позабавил его, однако ему было самую малость жаль соплячку. Кроме того, отец, попытавшийся прийти к ней на помощь, только смутил ее еще больше. Да к тому же они застигли ее врасплох с этим снадобьем на мордашке. Пахло чем-то вроде огурцов.

– Что, Оливер? Ах да, мои английские кузены. Теперь у них слишком много дел, а кроме того, Дачесс только три месяца назад родила второго мальчика. Назвали его Чарльз Джеймс. Я крестный отец младенца. Темноволосый, совсем как его папаша, но с синими глазами, как у матери. Правда, у Маркуса тоже синие глаза.

– Дачесс. Какое странное имя.

– Это не имя. Маркус прозвал ее так, еще когда ей было девять, а ему четырнадцать. Очень сдержанная, хладнокровная женщина, из тех, на кого можно положиться. Она сызмальства такая, но беззащитна, если речь идет о Маркусе. Он знает это и зачастую ведет себя в присутствии жены просто невыносимо, чем и сводит ее с ума. Иногда, правда, крайне редко, она позволяет себе даже кричать, если уж очень разозлится.

– Это она пишет политические куплеты? Богатая графиня не гнушается подобным занятием?

– Да, у нее поистине непревзойденный талант.

– Но это мужское дело.

Джеймс недоуменно поднял брови.

– Наверное. Я никогда раньше об этом не думал. Все принимают ее дар как должное, по крайней мере сейчас.

– Совсем как моя Джесси – вот кто умеет ловко обращаться с лошадьми, – заметил Оливер и потащил Джеймса назад, в контору. – У нас еще осталось немного кларета.

– Нет, только глоток в моем бокале, – печально вздохнул Джеймс. – Интересно, на что ей понадобились огурцы?

Два дня спустя Соубер Джон покрыл Суит Сьюзи. Ослоу лично наблюдал за конюхами, сводившими жеребца и кобылу.

– Пора, – наконец решил Ослоу. – Я все проверил сам, и Соубер Джон готов.

Загон был большим, чистым и примыкал к конюшне. Каждый из пяти конюхов знал, что делать. Они обернули копыта жеребца ватой, чтобы тот не поранил кобылу. Ее держали под уздцы, пока Ослоу подводил коня. Соубер Джон возбужденно втягивал ноздрями знакомый запах и даже сильно укусил кобылу за круп. Несколько секунд в загоне царил хаос, поскольку один из парней оказался неопытным и упустил Суит Сьюзи. Наконец Соубер Джон с огромным энтузиазмом приступил к выполнению своих обязанностей. Позже Ослоу сам отвел дрожащего жеребца в стойло, тихо приговаривая, что тот молодец и за это ему полагается лишняя мера овса. Во время случки самым трудным было сохранить вес жеребца. Кроме того, Джону полагалась еще одна бадья с настоем альфальфы.

Джеймс, потрепав Суит Сьюзи по потной холке, медленно повел ее назад, к выгону, чтобы она немного остыла в тени громадных дубов. Кобыла тяжело дышала и все еще нетвердо держалась на ногах. Он дал ей три ведра свежей воды и расчесывал скребницей, пока кобылка наконец не потерлась мордой об его руку. Аллен Белмонд все-таки привел ее и неохотно заплатил Джеймсу требуемую сумму.

Белмонд купил небольшую скаковую конюшню к югу от Балтимора после того, как женился на Элис. Сначала он хотел сделать предложение Урсуле, но та не проявляла к нему ни малейшего интереса. Кроме того, Джеймс подозревал, что и приданое у сестры было не таким уж большим, чтобы привлечь Аллена. Правда, их мать страстно желала видеть Белмонда своим зятем, и скандалы, устроенные ею по этому поводу, не раз заставляли соседей сочувственно улыбаться Джеймсу.

Он надеялся, что жеребенок Суит Сьюзи будет настоящим победителем. Это укрепит репутацию Соубер Джона и, следовательно, Марафона. Джеймс дал кобыле морковку, потрепал ее по крупу и сказал:

– Это твоя вторая случка, крошка. Я нюхом чую, что ты ожеребишься. Одиннадцать месяцев, девочка моя, и ты станешь матерью.

Поскольку это будет первый жеребенок Суит Сьюзи, Джеймс считал, что придется не спускать с нее глаз, особенно в начале следующего года.

Джеймс направился к дому, большому особняку из красного кирпича в георгианском стиле, окруженному цветущими яблонями, сливами, вишнями и когда-то прекрасным розарием. Томас, его дворецкий, посадил на задах огромный огород.

Джеймс купил дом три года назад у Бумера Бэнкса, которого поймали на краже воды из общественного источника. В преступлении участвовали две дюжины рабов, которых Джеймс немедленно освободил. Все до одного пожелали остаться с ним. Он потратил все деньги на новые домики для женатых рабов и пристроил к конюшне большую общую спальню для конюхов. Кроме того, Джеймс раздал всем семена и доски на мебель.

В конце концов у него не осталось денег. Полуистлевшие зеленые обои в гостиной до сих пор вызывали у него тошноту, как и выщербленные, вытертые полы, а конский волос набивки вылезал из протершихся кресел и диванов. Кухня, казалось, была ровесницей века, но кухарка, старая Бесс, знала, как заставить работать подручных. Уборная так омерзительно воняла, что стоять рядом было невозможно. Джеймс заставил всех обвязать лица платками, и вместе они зарыли старую выгребную яму и построили новый клозет, засыпав его известью, так что теперь никому не приходилось зажимать нос.

Потом он переименовал ферму в Марафон, решив похвастаться на сей раз знанием латинского и греческого, как заявил Маркус, хлопнув кузена по спине и добавив при этом, что вряд ли колонисты знакомы с подобными вещами. За последний год Джеймс проводил все больше времени в Балтиморе. Иногда он даже подумывал, не продать ли ему ферму в Йоркшире, но всякий раз решительно прогонял эту мысль. Нет, он не откажется ни от одного своего дома. Он любил Кендлторп, любил Англию и тамошних родственников.

Он обошел конюшни, машинально проверяя все, что сделано за утро, и думая о том, что придется еще сделать. Внезапно при звуках низкого тихого голоса Ослоу, чарующе действовавшего на любого слушателя, он замер и мгновенно наострил уши.

– Ну да, Диомед выиграл скачки для трехлеток в Эпсоме, в 1780-м, но потом его словно подменили. Ни разу не пришел первым. Тогда его сделали производителем, но и тут он потерпел неудачу. Потерял плодовитость. Его привезли сюда в 1800-м, купили за бесценок. И знаете, что случилось, мисс Джесси? Наш добрый американский воздух и хороший корм сотворили чудо: он покрыл едва ли не каждую кобылу в Штатах. Да, будь Диомед человеком, наверняка стал бы чертовым Казановой. Он предок всех американских скаковых лошадей. Единственный в своем роде и им останется, мисс Джесси.

– О Господи, Ослоу, помню, когда он издох, я была еще совсем маленькой... в каком это году?

– В 1808-м. Великий был старик. В колониях его смерть оплакивало больше людей, чем кончину Джорджа Вашингтона.

Девушка звонко рассмеялась.

Обойдя конюшню, Джеймс увидел сидевшего на бочонке Ослоу. Джесси примостилась рядом на земле, скрестив ноги и жуя соломинку. Старая шляпа опять залихватски сидела на голове, а густые рыжие, выбившиеся из-под шпилек волосы разметались по плечам. На ней красовались такие же отрепья, как на любом конюхе, – старые шерстяные штаны пузырились на коленях и доходили лишь до щиколоток. Однако Джеймсу показалось, что веснушки на носу немного посветлели.

– Признайся, Джесси, – сказал он, подходя поближе, – какое снадобье ты применила? По-моему, оно пахнет огурцом.

– Какое еще зелье? – удивился Ослоу, кивая Джеймсу. Но тот лишь покачал головой.

– Значит, ты рассказываешь о Диомеде?

– Ничем я не пользуюсь. Просто люблю огурцы. Вы когда-нибудь видели Диомеда, Джеймс?

– Однажды, еще в детстве. Отец взял нас с братом на скачки, и он был там, великий старик, как говорит Ослоу. Стоял величественно, как король, и все мы, проходя мимо, кланялись. Да, такое зрелище нескоро забудешь. Утверждаешь, Джесси, что постоянно носишь с собой огурцы и ешь?

– Иногда.

Джесси резко встала и отряхнулась. Джеймс заметил, что штаны слишком туго обтянули круглую попку, и нахмурился. Джесси увидела это, и объявила с видом банкира, пойманного на воровстве из кассы:

– Я зашла на несколько минут, чтобы повидать Ослоу. Не думайте, я не шпионила, ничего в таком роде. Ослоу говорит, что Соубер Джон покрыл Суит Сьюзи.

– Да. Все прошло как по маслу.

– Мне хотелось бы его купить.

– У тебя денег не хватит, Джесси. Никогда и ни за что.

– Когда у меня будет собственная скаковая конюшня, я стану самой знаменитой и богатой владелицей конного завода в Америке.

Ослоу тоже встал.

– Ничуть не удивлюсь, мисс Джесси. Ничуть. Ну а пока води себя хорошо, девочка. И напомни, чтобы я рассказал тебе о коте Грималкине.

Он, насвистывая, отошел.

– И как долго ты беседуешь с Ослоу?

– Мы знакомы чуть не с самого моего рождения. Он мой друг и знает все о каждой лошади каждой породы. Вам известно, что Соубер Джон прямой потомок арабских скакунов?

– Известно. Просто я никогда тебя здесь не видел раньше. Ты часто приходишь к Ослоу?

Девушка смущенно шаркнула носком ботинка по земле.

– Джесси, я не обвинял тебя ни в шпионаже, ни в попытке отравить лошадей.

– Да я скорее вас отравлю, нежели причиню зло лошади! Ладно, признаюсь, я приходила сюда совсем маленькой. Еще когда мистер Бумер жил здесь, он всегда давал мне бокал кларета, разбавленного лимонадом.

– Господи, какой ужас!

– Да, но он пытался меня порадовать. Просто не разбирался в детях. Бедный мистер Бэнкс, никудышный из него преступник. Он был слишком милым и добрым.

– Он был жалким трусом и стоял перед всеми на коленях, умоляя не вызывать его на дуэль. Предпочел идти в тюрьму, чем встретиться с людьми, которых обманывал.

– Мне он не казался жалким трусом.

– У тебя нечего было красть. Но довольно об этом. Надеюсь, ты ничего не сломала, падая сверху?

– Нет, отделалась лишь несколькими синяками и царапинами. Папа вчера велел починить потолок. Проклятые доски насквозь прогнили в том месте, где я оперлась коленкой.

– Смею ли я надеяться, что это чему-то тебя научило?

Он снова заговорил с противным английским акцентом, зная, как это обозлит ее. И действительно, плечи девушки дрогнули, но она так и не подняла головы.

– Верно, – шепнула Джесси, наконец-то взглянув на Джеймса. – Я поняла, что, прежде чем пускаться в приключения, нужно сначала разведать территорию.

Джеймс, не в силах сдержаться, громко расхохотался.

– Хочешь зайти в дом и выпить бокал кларета?

Джесси внезапно превратилась в ребенка, которому предложили невиданное лакомство. Джеймс постарался скрыть торжествующую улыбку.

– Разбавленного лимонадом, конечно, – добавил он.

Перед ним снова была прежняя Джесси Уорфилд, смотревшая мимо него, на заросший сорняками розарий.

– Спасибо за ваше любезное предложение, но мне нужно возвращаться. Сад ужасно запущен, Джеймс. Вам бы следовало приказать кому-нибудь привести его в порядок.

И, не дожидаясь ответа, повернулась и побежала, перебирая длинными, как у жеребенка, ногами, пока не оказалась возле Риальто, проклятого коняги, побившего Тинпина. Джеймс молча наблюдал, как она, погладив бархатистую морду жеребца, проверила подпругу и одним прыжком оказалась в седле. Потом, надвинув шляпу на глаза, легонько пришпорила Риальто и не оглядываясь поскакала по аллее. Длинная прядь огненных волос, выбившаяся из-под шляпы, змеилась по спине.

Джеймс мог бы поклясться, что ощущает запах огурцов. Уж не набила ли она ими карманы? Что-то эти самые карманы чересчур подозрительно оттопыриваются!

Гленда Уорфилд вызывающе уставилась на чресла Джеймса Уиндема. Пусть даже мужчина не смотрит на нее, как сейчас Джеймс, пусть он полностью погружен в беседу с Алленом Белмондом, этим темноволосым смуглым типом, чье мужское достоинство Гленда никогда не удостаивала вниманием, поскольку неизменно пугалась его странных безжизненных глаз. Кроме того, Гленда не выносила его жену, тощую суетливую коротышку Элис, хотя та неизвестно почему обожала Джесси и вечно превозносила ее независимость, так что Гленда с трудом подавляла тошноту, слушая ее бесконечные тирады.

Она глазела на Джеймса. Если не сводить с него глаз достаточно долго, он обязательно обернется, и она заметит в его взгляде похоть, а потом и настоящую боль, как только он сообразит, что ничего не сможет сделать для удовлетворения этой самой похоти.

Но прошло уже немало времени, а Джеймс все не оборачивался. Только когда его зять, Джифф Попплтон, громко поздоровался, Джеймс оглянулся и встретился взглядом с Глендой, коротко кивнул, но тут же рассмеялся какой-то шутке Джиффа.

Гленде это пришлось не по вкусу. В свои восемнадцать она считалась довольно хорошенькой. Предметом ее особой гордости были груди – полные, молочно-белые. Мужчинам нравилось на них смотреть, она поняла это еще два года назад. Конюхи приходили в невероятное возбуждение, стоило ей только появиться у конюшни, что она проделывала неоднократно за эти два года, поскольку была готова проверить силу своих чар на любом мужчине.

Почему же все-таки Джеймс Уиндем равнодушен к ней? Должен же он понимать, что, если женится на ней, сможет присоединить конюшни Уорфилда к своим владениям?!

– Совершенно непонятно.

– Что непонятно, дорогая?

– О, мама, я просто подумала, что Джеймсу Уиндему следовало бы поскорее сделать мне предложение, вместо того чтобы меня игнорировать!

– Ты совершенно права, – кивнула Порция Уорфилд, хмурясь от сознания столь очевидной несправедливости. – Действительно, его поведение необъяснимо. Лично я совершенно сбита с толку. Кстати, твоя шемизетка сползла, крошка. Поднимемся в дамскую комнату, и я поправлю ее. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы другие леди посчитали тебя слишком доступной?

– Конечно, нет, мама, – пробормотала Гленда и покорно вышла вслед за матерью из большой гостиной Попплтонов. Мать и дочь начали подниматься по широкой лестнице вишневого дерева на второй этаж.

– Я только сейчас вытянула из твоего отца, что Джеймс был женат на англичанке, – сообщила Порция. – Правда, твой отец не захотел рассказывать дальше, но я заставила. Наконец он сдался, когда я пообещала, что велю приготовить на ужин все, что он пожелает. Женщина, на которой женился Джеймс, дочь барона, была очень молодой. К концу первого года их брака она умерла при родах. По всей вероятности, он еще переживает ее кончину... насколько вообще мужчина способен переживать смерть жены. Да, и ребенок тоже умер. Вероятно, любого мужчину огорчит потеря наследника, но, если я не ошибаюсь, с тех пор прошло уже три года. В Балтиморе достаточно прелестных девушек, чтобы он наконец утешился.

– У него есть любовница. Он не нуждается в прелестных девушках, пока не решит снова жениться, чтобы получить наследника.

– Любовница? – переспросила миссис Уорфилд, застыв на месте и поджимая губы. – Почему я об этом ничего не слышала? Тебе известно, кто она, Гленда? Говоря по правде, девушкам не полагается знать о подобных непристойностях, но тем не менее кто она?

Гленда наклонилась поближе к матери:

– Миссис Максвелл.

– Конни Максвелл? Господи, да ведь ей не меньше тридцати пяти! Она уже год как овдовела! Подумать только! Ты уверена, дорогая?

– О да! Мэгги Хармон слышала, как ее папа говорил маме, будто видел, как они целовались и смеялись в ее саду, а потом исчезли за огромным розовым кустом,

и смех сразу стих.

– Интересно, – протянула миссис Уорфилд. – Конечно, нельзя назвать Конни старой клячей, но и свежим бутончиком вроде тебя ее не посчитаешь. Должна признать, она сохранила фигуру, и лицо у нее довольно хорошенькое, и эти светлые волосы... а кожа такая белая, что мне часто хотелось пристрелить ее! Ну что же, Джеймс – мужчина, так что удивляться нечему. Но скоро ему придется найти себе жену. Ему уже должно быть около тридцати.

– Джеймсу двадцать семь, мама, – расстроено поправила Гленда, – да и то исполнилось всего три недели назад. Он еще молод для мужчины.

– Не слишком, – возразила Порция. – Не хмурься, ангел мой, иначе лобик будет в морщинах.

– Что, если Джеймс снова решит жениться на англичанке? Или уже встретил такую? Его кузен – граф, и сам он аристократ. Может выбрать кого угодно.

– Зачем ему еще одна англичанка? Первая не продержалась и года. Хотя он и говорит с британским акцентом, английский в нем всего лишь половина, да и то, без сомнения, худшая. Половина, которая до сих пор страдает, но не настолько, чтобы сам Джеймс не заботился о мужских развлечениях. Так вот, твой отец утверждает, что Джеймс пробудет здесь до конца года. Значит, времени у нас немало. Но послушай, дорогая, почему бы тебе не обратить внимание на другого поклонника?

– На кого же, мама?

– Например, на Эмерсона Маккаддла. Приятный молодой человек, и отец его сказочно богат.

– Но у него изо рта дурно пахнет.

– Позволяй ему целовать тебя только в щеку и старайся при этом задерживать дыхание.

– Эмерсон – адвокат. Он не интересуется ни скачками, ни разведением лошадей. Что он будет делать с конюшнями и производителями?

– Это верно. Что же касается Джеймса, возможно, он скоро одумается. Или устанет от Конни Максвелл. Не вечно же ей оставаться молодой... правда, я бы на это не рассчитывала. Потанцуй с ним сегодня, дорогая. И давай не будем подтягивать шемизетку слишком высоко, хорошо?

Джесси осторожно отступила подальше в кусты. Она могла бы поклясться, что Джеймс смотрит прямо на нее! Но конечно, это невозможно. На улице очень темно, а небо освещает лишь тонкий месяц, как раз слева от нее, за цветущими яблонями.

Девушка услышала, как четверо музыкантов в глубине гостиной заиграли вальс. Хотя Джесси так и не научилась танцевать, однако любила вальс, легкие, порхающие звуки которого, казалось, звали к полету. Ей так и хотелось кружиться, кружиться бесконечно, смеясь от удовольствия.

Она снова выползла вперед и взглянула на окна. Как раз в этот момент Джеймс склонился над Глендой и увлек ее в толпу танцующих, внимательно слушая то, что она ему говорит. Он улыбается! Джесси не смогла припомнить, когда в последний раз улыбалась словам сестры.

Девушка заметила, как ее мать подошла к Вильгельмине Уиндем, матери Джеймса и Урсулы. Урсула с мужем тоже танцевали, весело переглядываясь с Джеймсом. Джифф что-то крикнул. Снова громкий смех. Людей в зале все прибавлялось. Даже мистер Орнек, толстый, как фаршированный гусь, радостно подпрыгивал и кружился со своей тощей женой.

Джесси осторожно коснулась щек кончиками пальцев. Огуречная смесь уже успела затвердеть. Сегодня утром она пристально рассматривала себя в зеркало. Веснушки на носу явно посветлели; Джесси просто уверена!

Она принялась. Джеймс прав – пахнет огурцами! Не такой уж неприятный запах, правда, резкий и не совсем обычный.

Джесси, вздохнув, продолжала наблюдать за гостями, считая шаги, раскачиваясь в такт танца. Когда музыка стихла, она увидела, как Джеймс ведет Гленду к матери, все еще говорившей что-то миссис Уиндем. Темное облако закрыло луну, и девушка отвернулась от окна. Зная балтиморский климат, можно предположить, что в любую минуту пойдет дождь.

Джесси поднялась и отряхнула брюки. Но тут послышались голоса, доносившиеся из открытой стеклянной двери. Она узнала Джеймса и его зятя, Джиффорда Попплтона.

– Говорю же, я сам видел ее прижатую к стеклу физиономию!

– Вздор, Джифф! Ты перебрал собственного пунша! Разбавлял его ромом, верно? Какого черта здесь делать соплячке?

Джесси оцепенела. О Боже, нужно поскорее выбираться отсюда! Они приближались, спускаясь по лестнице, ведущей с балкона в сад.

Джесси встала на четвереньки и поползла через низкие розовые кусты, тянувшиеся до самых ворот, футов на тридцать. Нужно постараться не высовываться и выбраться отсюда как можно незаметнее!

Но при следующем вопросе Джеймса она замерла.

– Гленда Уорфилд достаивала взглядом то, что находится у тебя внизу живота, Джифф?

– Я слышал, она проделывает это с каждым мужчиной! – расхохотался тот. – Пристрастилась к этому занятию с год назад, если верить Урсуле. Она и на мне практиковалась, когда мы приехали из Бостона в конце января. Да, незабываемое впечатление. Правда, сейчас она уже не вытворяет это так открыто. То есть глазеет не на каждого холостяка, а лишь на тех, кто, по ее мнению, может на ней жениться. Ты сегодня тоже оказался в числе счастливчиков?

– Да, и места себе не нахожу от смущения.

– Возможно, Джесси Уорфилд смогла бы кое-чему поучиться у сестры, поскольку сидела в кустах и подсматривала в окна.

– Да ты просто спятил, Джифф. Ну вот мы и пришли. Окна на месте, а где же Джесси?

– Должно быть, услышала разговор и сбежала. Удрала через садовые ворота. Они выходят прямо на Шарп-стрит. Готов побиться об заклад, там привязана ее лошадь.

– Теперь уже ничего не докажешь. Она исчезла. Интересно, почему соплячка вздумала явиться сюда... если, конечно, тебе не показалось.

Голоса стихли, и Джесси наконец-то осмелилась перевести дыхание. Вздумай Джеймс пройти через ворота, наверняка увидел бы Бенджи, привязанного к кусту живой изгороди как раз рядом со входом.

Джесси вздрогнула, представив собственные стыд и унижение, если бы ее обнаружили. Она ни за что не осмелилась бы повторить такое.

Девушка, пригнувшись, побежала к воротам и исчезла в темноте. Джеймс, стоя рядом со стеклянной дверью, выходящей на балкон, наблюдал всю сцену.

«Создатель, – покачал он головой, – Джифф был прав! Что делала здесь соплячка? Интересно, ее пригласили на бал? Наверняка. Но вряд ли можно ее представить в чем-то, кроме неприлично потрепанных штанов, рубашек не по росту и засаленных шляп. Нет, она, конечно, отказалась от приглашения туда, где необходимо хотя бы несколько часов побыть женщиной».

Джеймс погасил тонкую сигару, повернулся и направился к конюшне.

– Ужасная дорога, не так ли, Джесси? Лайлак все время спотыкается.

Джесси так испугалась, что едва не свалилась с седла. Он, похоже, ехал по обочине дороги, поросшей густой травой.

– Джеймс! О Господи, что вы тут делаете? И что вам нужно?

– Увидел тебя и поехал следом. Не поверил Джиффу, когда тот сказал, что ты подсматриваешь за гостями. Но потом, стоя на балконе, я заметил, как ты проскользнула в садовые ворота. Почему ты стояла в саду, Джесси?

– Ничего подобного, – бросила девушка и, не тратя лишних слов, воззрилась куда-то вдаль с раскрытым ртом и расширенными от удивления глазами. Как только Джеймс обернулся, чтобы узнать, в чем дело, она пришпорила коня и попыталась удрать. Но сегодня Джесси взяла Бенджи, доброго, медлительного двенадцатилетнего мерина, так что Лайлак в мгновение ока догнала ее. Джеймс наклонился к девушке и заметил:

– Твоя шляпа сейчас упадет. Правда, твои волосы настолько спутаны, что, может, она и удержится.

Джесси, не глядя на него, пристукнула ладонью высокую тулью.

– Похожа на старую шляпу Ослоу. Вероятно, он отдал ее тебе после того, как не захотел больше носить.

Джесси наконец посмотрела на него и плотно сжала губы. Она выглядела куда более разъяренной, чем Джеймс в то утро, когда Гренд Мастер укусил за плечо его, а не кобылу, на которую собирался взгромоздиться.

– Идите к черту! Я не желаю говорить с вами, Джеймс. Уходите!

Бенджи плелся все медленнее. Джеймс знал, что она не станет загонять несчастного старикана. Вскоре обе лошади пошли шагом. Бенджи немного задыхался. Лайлак закинула голову и фыркнула.

– Звучит совсем как ваша речь, – процедила Джесси, упорно глядя вперед, между ушей Бенджи. – Несносная и нетерпеливая. Вы привезли ее из Англии?

– Тебе не нравится мой английский акцент? – осведомился он, растягивая каждое слово с преувеличенно противным британским выговором.

– По-моему, так говорят только педерасты.

Джеймс судорожно дернул за поводья Лайлак, и кобыла оступилась.

– Что ты сказала?

– Вы прекрасно слышали.

– Откуда тебе вообще известно это слово, черт побери? Ни одна леди не осмелится произнести его вслух, тем более признаться, что знает его значение!

Джесси медленно повернулась к нему. В тусклом лунном свете Джеймс увидел старую шляпу и космы красных волос, обрамлявших лицо.

– Я не глупа. И много читала.

– Позволь спросить, что именно?!

– Все. И конечно, полностью согласна, что «педераст» – слово из мужского лексикона.

Джеймс расстроено провел рукой по лбу.

– Просто не верится. Сейчас почти полночь. Мы в Балтиморе, и каждую минуту может пойти дождь, а ты знаешь о педерастах. Хуже того, ты и меня, меня обозвала педерастом.

– Но именно им вы и кажетесь, когда начинаете объясняться с этим идиотским акцентом. Вы делаете это намеренно, чтобы придать себе больший вес, выделиться из нас, жалких колонистов! Заставить нас чувствовать себя ничтожествами лишь потому, что ваш кузен – проклятый английский граф! Хотите, чтобы все позабыли о том, что вы и сами колонист. Вы мошенник, Джеймс.

Ей страстно хотелось пустить Бенджи в галоп, но это, конечно, было невозможно.

– Я мошенник? А как насчет тебя, соплячка несчастная? Тебя, с твоей мужской одеждой, лохмами, как у ведьмы, свисающими на спину? Выглядишь как один из тех хулиганов, которые бьют окна в Феллз-Пойнт. Нет, может, ты совсем не обманщица и твой отец не прав? Ты всего-навсего женщина, и твое тело доказывает это раз в месяц.

Джесси что-то прорычала, но Джеймс, не обратив внимания, продолжал:

– Итак, объясни, что ты делала сегодня под балконом моей сестры?

Джесси молчала, хмурая, как нависшие над ними облака.

– Ну? Есть у тебя ответ? Или снова что-то неприличное?

Джесси дернулась, но Джеймс был неумолим.

– Готов побиться об заклад, что знаю, почему ты там появилась. Глазела на мужчин. Вероятно, пыталась найти кого-нибудь, чтобы вломиться к нему в дом и украсть подходящие штаны. Господь свидетель, твоя матушка отказывается покупать тебе мужскую одежду. Я прав, не так ли, Джесси?

Он все-таки смог довести ее. Джесси поклялась, что на этот раз не позволит ему, но ничего не вышло. Уиндему всегда удавалось ее взбесить, и, надо сказать, делал он это артистически. Джесси вздернула подбородок и почти истерически взвизгнула:

– Я хотела видеть тебя, Джеймс Уиндем, дьявол бы тебя унес!

Она тряслась как в лихорадке, зная, что подставляет себя, делает мишенью его мерзких шуточек и острот! Сейчас последует очередной удар. Джесси ждала. Минуту. Другую.

Но удара не последовало. Вместо этого Джеймс покачал головой:

– Это ужасно странно, соплячка. Зачем я тебе понадобился? Потому что Гленда охотится за мной, бедняжкой, и ты хотела удостовериться, что я достаточно хорош для нее? Собиралась убедиться, что я не буду колотить ее после свадьбы?

Заметила, как я глазею на ее груди, которые она вечно выставляет напоказ, и пожелала узнать, сумею ли я сдержаться?

Джесси потрясенно уставилась на него. Он не уничтожил ее двумя-тремя издевательскими словами, но ранил больше, чем она могла вынести. Джеймс был мужчиной – в этом все дело. Мужчиной, а значит, таким же тупым болваном, как Притти Бой, мопс матери, которого Джесси называла недоумком, когда той не было поблизости.

Она не сводила с него взгляда, и Джеймс, недоуменно нахмурившись, спросил:

– Ну? Все дело в Гленде, не так ли?

– Да, – выдавила из себя Джесси, – именно. Я еду домой, Джеймс, не стоит провожать меня дальше. Спокойной ночи.

Она послала Бенджи вперед. К ее облегчению, Джеймс не последовал за ней. Джесси хотела обернуться, но вынудила себя смотреть вперед.

Направляясь к Марафону, Джеймс не переставая мучился вопросом, зачем ему понадобилось догонять Джесси. Сестра будет недовольна тем, что он так рано уехал, а Джифф начнет поддразнивать его, дружески пихать под ребра и ехидно осведомляться, куда это шурин исчез. Может, он отправился на свидание к Конни Максвелл, которой сегодня не было на балу. Джеймс мог бы объяснить ему, что сын Конни приехал на каникулы из Гарварда и, следовательно, им придется подождать, пока Денни вернется в университет.

На нос упала дождевая капля. Проклятие! Джеймс пришпорил Лайлак, и кобылка, ненавидевшая дождь, помчалась к конюшне как ветер.

Если уж Джесси озабочена тем, каким мужем он станет ее сестре, значит, остальные считают, что он уделяет Гленде слишком много внимания. Но на самом деле это вовсе не так! Ему не нравится Гленда! Просто Джеймс нервничал, потому что во время танца ее пальчики игриво поглаживали его ладонь. Гленда раздражала его опущенными глазами и постоянными намеками на то, как бы ей хотелось увидеть прекрасную Англию весной, летом и даже зимой – время года не имело для нее особого значения. А уж эта декламация... Джеймс мог поклясться, что те две минуты, когда Гленда, закатив глаза к небу,

читала стихи собственного сочинения, были самыми неприятными в его жизни. Он вздрогнул при мысли о том, что придется сидеть и слушать, как она играет на арфе.

Он снова пришпорил Лайлак, но это не помогло. К тому времени, как они добрались до дома, он промок до нитки, был зол, почти боялся, что Гленда Уорфилд гонится за ним, и чувствовал, что набросится на каждого, кто осмелится ему перечить.

У конюшен творился ад кромешный. Ослоу с десятком конюхов, не обращая внимания на сплошную стену воды, растерянно бегали взад и вперед, очевидно, дожидаясь хозяина. Старая Бесс размахивала огромной черной сковородкой. От кого она собиралась отбиваться? Томас величественно высился в дверях, сложив руки на груди. Даже он, казалось, был готов к немедленным действиям. Под навесом стоял разъяренный Аллен Белмонд. Выяснилось, что кто-то украл Суит Сьюзи из загона, пока Джеймс веселился у Попплтонов. Аллен приехал потому, что один из конюхов отправился за Джеймсом и, не обнаружив его, обо всем рассказал хозяину кобылки.

– Прекрасное завершение приятного вечера, – сокрушенно вздохнул Джеймс, окруженный вопящими конюхами во главе с непрерывно сыпавшим проклятиями Алленом Белмондом. Только этого ему и не хватало!

Глава 5

Шляпа Джесси, давний подарок отца, практически не пропускала воды, и лицо оставалось сухим, зато одежда промокла насквозь, а с плеч стекали дождевые струи.

Она ехала, опустив голову, злая и несчастная. Будь проклят этот Джеймс!

Но за что? Что он сделал? Ничего... и именно поэтому она его и прокликает.

Услышав ржание и стук копыт мчавшихся навстречу коней, она натянула поводья Бенджи и пробормотала:

– Уже почти полночь. Кому еще, кроме меня, понадобится разъезжать под этим чертовым дождем?

В темноте раздавались мужские голоса. Неизвестные спорили, ругали дождь, ссору с партнерами, глупую кобылу, увлекавшую коня, на котором ехал Билли.

– Да эта подлая кляча все еще в течке! – завопил Билли. – Дьявол бы тебя побрал, держись подальше от моего бедного парня! Он слишком стар для таких, как ты, и, кроме того, у него в жилах не такая голубая кровь, как у тебя, чертова кукла!

Что еще за «подлая кляча»?

– Заткнись лучше, Билли! – проорал другой. – Закрой глупую пасть! Лучше прищпорь своего бродягу, иначе худо нам придется! Только посмотри, эти двое хотят поладить прямо здесь, под дождем! Вот негодяи!

Джесси услышала, как коротко заржала лошадь, а затем послышался пронзительный визг Билли. Раздался глухой стук. Кажется, конь сбросил седока, чтобы поскорее добраться до кобылы.

Девушка послала Бенджи вперед, держась заросшей травой обочины, и, добравшись до поворота, поспешно натянула поводья. Суит Сьюзи терлась крупом о лошадь, хозяин которой сидел в грязи посреди дороги и гнусно ругался. Жеребец, явно непородистый, с готовностью пытался взгромоздиться на кобылу.

Если бы Джесси не сообразила, что мужчины украли кобылу с фермы Джеймса и, вероятно, перед ней опасные бандиты, то непременно рассмеялась бы при виде коня и кобылы, пытавшихся укусить друг друга: глаза бешено вращаются в орбитах, гривы разметались под проливным дождем, льющимся неиссякаемыми потоками.

Сообщник Билли пытался оттащить конягу от Суит Сьюзи, стремясь одновременно сохранить равновесие, и орал на Билли, приказывая тому немедленно поднять задницу и помочь ему. Однако ему явно не везло. Конь Билли желал оседлать Суит Сьюзи во что бы то ни стало. Суит Сьюзи, со своей стороны, жаждала того же.

Джесси поняла, что настал ее час. Она завопила что было сил, послала Бенджи в бешеный галоп и оказалась между двумя лошадьми, едва не раздавив Билли, отчаянно пытавшегося встать на колени. Она добилась того, что конь Билли вырвался от незнакомца, перепрыгнул через канаву и помчался по полю вдоль дороги. Девушка схватила Суит Сьюзи за повод и вонзила каблуки в бока Бенджи. Тот фыркнул и рванулся вперед. Суит Сьюзи, которой явно пришлось по душе фыркание Бенджи, взбрыкнула и помчалась за ним.

До Джесси донеслись крики мужчин, требовавших отдать лошадь, обзывавших ее воровкой, но девушка лишь громко расхохоталась.

Теперь бы только добраться до фермы Джеймса, прежде чем они смогут ее догнать. Ей даже не хотелось думать о том, что тогда случится. Оставалось надеяться, что второй похититель не покинет своего напарника Билли. У них немало времени уйдет, чтобы поймать старого доброго конягу Билли. До фермы Марафон около трех миль. Если скакать по дороге, ее скорее всего быстро догонят.

Джесси подождала, пока Бенджи доберется до первого же поворота, и направила его в рощицу вязов. Суит Сьюзи волей-неволей следовала за ними по очень узкой тропинке, пока они не достигли пруда Джипсома, после сильного ливня переполненного настолько, что вода выходила из берегов. Лошади то и дело оскальзывались в грязи, но все обошлось благополучно. За прудом расстился огромный луг, окруженный дубами. Суит Сьюзи была не только в течке, но к тому же и голодна. Джесси неустанно твердила кобылке, что Бенджи сделает все, как она пожелает, если только Суит Сьюзи будет по-прежнему бежать за ним и не остановится, чтобы попасться. Суит Сьюзи только мотала хвостом в знак согласия и продолжала бежать.

Прогрепевший выстрел так напугал Джесси, что она едва не скатилась с седла. Обернувшись, девушка заметила одного из похитителей ярдах в пятидесяти от нее. Билли остался на дороге. Проклятие!

Прежде чем она успела пригнуться, раздался еще один выстрел, и, к изумлению Джесси, пуля нашла свою цель. Она ощутила ледяное дуновение над самым виском. Если она больше ничего не почувствует, значит, дела не так уж плохи. По крайней мере этот идиот ранил ее, а не Суит Сьюзи.

– Бенджи, дьявол, вперед! Быстрее, кому говорят! – закричала Джесси. Она не имеет права упасть. Не имеет права потерять сознание, иначе все пропало.

Девушка из последних сил вцепилась в гриву Бенджи и повод Суит Сьюзи. Преследователь больше не стрелял, очевидно сообразив, что может попасть в кобылу и тогда всем замыслам придет конец.

Дождевая вода струилась по лицу, попадала в рот. Джесси слизнула назойливые капли и поняла, что это не дождь. Что-то липкое, соленое, со странным металлическим привкусом. Кровь! Ее кровь!

Джесси начало тошнить, закружилась голова. Так она ранена, в самом деле ранена!

Стоило ей осознать эту ужасную истину, как висок пронзила жгучая боль. О нет. Она должна держаться, пока не доберется до Марафона.

Джесси увидела впереди зеленые пастбища фермы, стоящие то тут, то там могучие вязы, услышала громкие крики. Нужно продержаться совсем немного!

Она подъехала прямо к дверям дома, не обращая внимания на то, что люди поспешно разбегаются, боясь попасть под копыта, и лишь при виде Джеймса, сбегавшего с крыльца, натянула поводья.

– Какого дьявола ты здесь делаешь, Джесси?

– Еще раз здравствуйте, Джеймс. Я привела вам Суит Сьюзи, – пробормотала девушка, покачнувшись в седле.

– Да что с тобой случилось?

Он в мгновение ока очутился рядом с Бенджи и, осторожно вытащив поводья из кулачка девушки, отдал их одному из конюхов.

– Ослоу, возьмите Суит Сьюзи и приглядите за ней. Ну, соплячка, в чем же дело?

Томас принес зажженный фонарь, отбрасывающий мертвенно-желтый свет на всю сцену.

– Господи, да что с вашим лицом, мисс?! – неожиданно воскликнул Томас, тыча фонарем в бок Бенджи. Тот, разобидевшись, быстро прынул в сторону, задрал голову, и Джесси сползла на землю. Джеймс едва успел ее поймать. Она тяжело навалилась на него.

– Подними лампу, Томас, – приказал он.

– Господи, да что же с ее хорошеньким милым личиком? – растерянно повторил тот.

– И почему ни с того ни с сего у Джесси Уорфилд оказалась моя лошадь?! – завопил Аллен Белмонд, вылетая из дома. – Плевать мне на то, что она девушка! Я добьюсь, чтобы ее посадили в тюрьму! Вечно вбивает в голову Элис идеи, о которых порядочной женщине и думать непристойно! Посмотрите-ка, что она наделала! Воровка! Настоящая воровка! Если ее чертов папаша считает, что может посылать дочь делать за него всю грязную работу, тогда он...

– Помолчите, Аллен, – очень мягко велел Джеймс тихим и спокойно-зловещим тоном.

Белмонд заткнулся, и Джеймс осторожно прижал Джесси к себе. Она едва не потеряла сознание.

– По-моему, она ранена, – заметил Джеймс Аллену, удивляясь, что способен оставаться хладнокровным в подобной ситуации. – Боже, она действительно ранена!

– Давайте войдем в дом и посмотрим, насколько тяжела рана. Девочка, конечно, расскажет нам, как кобыла оказалась у нее.

Джеймс подхватил ее на руки. Старая шляпа свалилась на землю, и Джеймсу пришлось бежать, чтобы защитить Джесси от дождя. Только попав в гостиную, он сообразил, что за спиной толпится не менее дюжины человек.

– Иисусе, мистер Джеймс, – охнула старая Бесс, – вы только взгляните на бедняжку! Сколько крови! Что с ней произошло?

Кухарка была права: волосы над виском Джесси слиплись от крови и воды, красные струйки сползали по щеке на грудь.

– Томас, пожалуйста, немедленно пошлите за доктором Хулахеном. Передайте, что Джесси ранена. Бесс, принесите одеяло. Она насквозь промокла.

Дожидаясь, пока приказание будет выполнено, Джеймс продолжал стоять посреди комнаты с девушкой на руках. Он и представить себе не мог такого завершения сегодняшнего вечера. Правда, в его расчеты не входило и обнаружить здесь Аллена Белмонда с воплями насчет украденной лошади. Интересно, откуда у Джесси Суит Сьюзи?

Он подошел ближе к камину.

– Я могу стоять на ногах, Джеймс.

– Заткнись. Хотя ты вешишь больше, чем полагается молодой девушке, я вполне способен поддержать тебя еще несколько минут.

Она попыталась вырваться.

– Прекрати, черт бы тебя взял! – прошипел Джеймс. – И не смей шевелиться! Не желаю, чтобы ковер оказался весь в крови!

– Мистер Джеймс, вот самое теплое одеяло.

Но этого было недостаточно. Соплячка промокла еще больше, чем он. И если ее сейчас же не переодеть, она просто подхватит воспаление легких.

К своему огромному облегчению, он заметил, что кровь почти перестала течь.

– Пойдем, Бесс, нужно срочно снять с нее эти лохмотья, или она действительно заболевает, только чтобы мне досадить. Думаю, не стоит ждать доктора Хулахена.

Он машинально шагнул к спальне, но тут же, опомнившись, повернул к лучшей комнате для гостей.

– Я позабочусь о ней, мистер Джеймс, – пообещала Бесс. – Вам тоже не помешает переодеться. Господь видит, вы такой же мокрый, как бедняжка мисс Джесси. Не беспокойтесь, я все сделаю.

Несколько минут спустя Джеймс постучался в дверь, и старая Бесс разрешила ему войти. Она успела укрыть Джесси тремя одеялами и натянуть на нее одну из ночных сорочек Джеймса, которые тот никогда не носил. И где только старуха откопала ее?

Волосы девушки были аккуратно расправлены на подушке, и кухарка осторожно протирала влажной тряпочкой рану чуть выше левого виска. Слава Богу, пуля не прошла ниже! А это была действительно пуля – Джеймс сразу догадался. И страшно перепугался. Хотя то, что она не потеряла сознания, – хороший знак. При ранениях головы потеря сознания зачастую означает смерть.

Сама мысль об этом заставила его вздрогнуть. Джеймс облегченно вздохнул, заметив, что глаза соплячки по-прежнему остаются ясными, не замутненными болью и страхом.

Джесси молча наблюдала, как Джеймс подходит к кровати. Волосы его были спутаны, рубашка застегнута не на те пуговицы, и выглядел он взволнованным. Тревожится за нее? Нет, скорее за Суит Сьюзи!

– Я посижу с ней, Бесс. Идите вниз и подождите доктора Хулахена.

– Да, мистер Джеймс.

Старая Бесс наклонилась, подобрала с пола свою сковороду и пошла к двери. Глядя ей вслед, Джесси заметила:

– Эта комната нуждается в ремонте. Обои такие старые, и... ой!

– Сожалею, но тебе пока стоит держать рот на замке. Не шевелись, я осмотрю рану.

Девушка сжала зубы и закрыла глаза.

– Больно.

– Не сомневаюсь. Пуля рассекла кожу. Поэтому ты и истекаешь кровью, как только что зарезанная свинья. Черт возьми, соплячка, да не дергайся ты! И не пытайся отстраниться. Попробуй только заснуть, я тебе покажу!

Он неожиданно смолк, заметив слезы, медленно ползущие из-под опущенных ресниц. Джеймс расстроился, но, не зная, что делать, пробормотал:

– Прости, Джесси, я больше не дотронусь до тебя. Сейчас приедет доктор Хулахен.

Он слегка коснулся мягкой тряпочкой ее щеки, чтобы вытереть слезы, чувствуя себя последним болваном.

– Лежи спокойно. Вот так. Не двигайся; просто лежи и отдыхай. Но только не спи.

Девушка открыла глаза и уставилась на Джеймса.

– Суит Сьюзи все еще в течке. Она терлась о коня Билли.

– Объяснишь позже. А сейчас полежи спокойно и...

– И не спи. Я не настолько глупа, Джеймс, и знаю, что с такой раной спать нельзя.

Она закрыла глаза, но боль не уменьшилась, а с каждым мгновением становилась все мучительнее. Как она может расслабиться, если ей хочется свернуться клубочком и заплакать?

– Этот идиот не подумал, что может попасть в Суит Сьюзи. Наконец он сообразил, в чем дело, и больше не стрелял, боясь ранить ее. Суит Сьюзи хотела даже Бенджи. Ее нужно держать подальше от жеребцов, Джеймс.

– Обещаю.

Девушка глубоко вздохнула, растянула губы в улыбке и отключилась, чем до смерти перепугала Джеймса. Она не должна была терять сознание. Не сейчас. Господи, а что, если эта рана гораздо серьезнее, чем он думает?! Что, если...

– Джесси?! Джесси, очнись! О Господи! Ну же, приди в себя!

Он принялся трясти ее за плечи, но голова девушки бессильно моталась по подушке. Джеймс начал сыпать ругательствами, приказывая ей открыть глаза и больше его не пугать. Но тут отворилась дверь, и в комнату вошел доктор Хулахен. Джеймс частенько удивлялся, откуда у него такая странная походка. Он не шел, а семенил мелкими деликатными шажочками. Эта манера ходить, как и сама внешность доктора, тридцатилетнего коротышки с густой копной белых волос и раскосыми голубыми глазами, обычно раздражала Джеймса настолько, что руки чесались хорошенько врезать ему, но в этот момент он так обрадовался при виде доктора, что, вскочив с постели, закричал:

– Скорее, Денси, она ранена! Правда, пуля слегка ее поцарапала, и кровь идет не очень сильно, но Джесси потеряла сознание, а я знаю, что это не к добру. О Иисусе, да поспешите же!

– Все в порядке, Джеймс. Отойдите от кровати... вот так. Дайте мне побольше места!

Денси Хулахен, конечно, не отличался красотой и имел дурную привычку семенить, однако голос у него был глубоким и успокаивающим, как бас вашингтонского епископа Моргана. Кроме того, у него была легкая рука, и он неукоснительно соблюдал правила гигиены, что было крайне важно как при осмотре людей, так и лошадей. Доктор осторожно ощупал края раны, наклонился и прижал ухо к груди Джесси, а потом посчитал пульс, приоткрыл ей глаза и проверил зрачки.

– Ну вот, она приходит в себя. Джесси, девочка моя, просыпайся и не пугай хозяина этого дома.

Джесси застонала и подняла веки. Зеленые глаза потемнели от боли, став почти черными.

– Не могли бы вы дать ей немного настойки опия, Денси?

– Не сейчас. Сами знаете, такие ранения опасны. Она вынесет боль, но главное, чтобы девочка осталась жива. Держись, Джесси. Ты меня слышишь?

– Да, конечно. Я же не глухая.

Доктор Хулахен рассмеялся глубоким, добрым смехом, который скорее мог бы принадлежать гораздо более крупному мужчине, например, Джеймсу.

– Молодец! Ну а теперь я сбрею волосы вокруг раны. Получится небольшая лысина, но у тебя такие густые локоны, что этого никто не заметит.

Он вынул бритву из черного кожаного футляра.

– Джеймс, велите Бесс принести горячей воды. Мне нужен и бинт из чистого белого полотна.

Последующие часы были самыми длинными в жизни Джеймса. Джесси беззвучно плакала, зажмурив глаза и сжав кулаки. Именно Джеймс поморщился, когда доктор брил волосы вокруг раны. Джесси не шевельнулась. Денси отбросил на пол длинные пряди. Девочке невероятно повезло. Возьми стрелявший чуть ниже, она погибла бы. И все потому, что спасала Суит Сьюзи. У доктора чесались руки самому пристрелить девушку за то, что она так рисковала.

Денси перебинтовал голову Джесси и отступил. Она выглядела в эту минуту такой маленькой и жалкой, что Джеймс невольно улыбнулся, слушая, как Денси спрашивает, сколько он поднял пальцев, когда у нее день рождения, заставляет перечислить клички всех лошадей, на которых она скакала на прошлой неделе. И после каждого ответа доктор смотрел на Джеймса, ожидая подтверждения. Джеймс не понимал, откуда, черт возьми, он должен знать, правильно ли отвечает соплячка, но только послушно кивал.

– Прекрасно, – объявил наконец доктор. – Давайте дадим ей опия, чтобы девочка смогла уснуть.

Уже засыпая, Джесси пробормотала:

– Джеймс, их было двое. Одного зовут Билли. У обоих гнедые лошади, по виду не старше десяти лет. У первой на лбу белая звездочка, а у второй – белая полоска, от лба до самого носа.

Джеймс не попросил ее описать грабителей. Вряд ли она сумеет. Зато о лошадях Джесси говорила до тех пор, пока язык не стал заплетаться.

– Хорошо, Джесси. Спи. Поговорим утром.

Но Джеймс не ушел, пока не услышал ровное дыхание девушки. Подтянув одеяло до самого ее подбородка, он погасил свечи и тихо закрыл за собой дверь спальни.

Аллен Белмонд, доктор Хулахен, Томас, Ослоу и старая Бесс ожидали его в гостиной. У Бесс был такой вид, будто она вот-вот огреет Аллена сковородкой.

– Она рассказала, что случилось? – осведомился Белмонд. – Призналась, что украла Суит Сьюзи?

– Джесси по глупости спасла вашу кобылу от двух воров. Девочка не сумела описать мужчин, но зато хорошо рассмотрела их коней. Беспородные, гнедые. Один с глубокой седловиной, другой с короткой спиной и мускулистый. Иными словами, в нем четверть благородной крови.

– Она вспомнит больше, – заверил Ослоу, – как только ее бедная головка заживет.

– Чертова девчонка! – прошипел Белмонд. – Поверить не могу, что она перехитрила двоих мужчин! Невероятно!

– Можете поблагодарить ее завтра, – посоветовал Джеймс, – после того, как я задам ей хорошую трепку.

Томас неловко откашлялся.

– Я послал конюха на ферму Уорфилдов. О Боже, кажется, мистер Оливер приехал! Вне себя от злости!

Оливер Уорфилд, громко топая, ввалился в гостиную Уиндема, выглядевшую не так убого в мягком свете свечей. Из слов посыльного он понял достаточно, чтобы смертельно перепугаться.

– Где моя девочка?! Черт возьми, Джеймс, где она? Немедленно води меня к ней, я как следует выпорю ее за глупость! Неужели она действительно спасла вашу чертову кобылу, Аллен? Кому нужна эта кляча?

– Твоя дочь поправится, Оливер, – заверил Джеймс. – Если не веришь, спроси доктора Хулахена.

Денси Хулахен, кивая, просеменил поближе к Оливеру и громко, уверенно объявил:

– Она сейчас спит, Оливер. Прекратите рвать и метать. Пуля задела голову и разорвала кожу. Ничего страшного.

– Что ж, если Белмонд тут ни при чем, значит, виноват ты, Джеймс. Черт бы тебя побрал, почему ты не охранял Суит Сьюзи как следует? Мою девочку едва не убили, и все из-за твоего разгильдяйства!

– Оливер прав, – ехидно добавил Аллен Белмонд. – Это ваша вина, Уиндем. Я доверил вам лошадь, и видите, что случилось! Будь я проклят, если ваше место не в тюрьме! Может, вы и наняли этих двух грабителей, чтобы самому украсть и продать кобылу!

– Вы просто идиот! Не смейте угрожать и бросаться смехотворными обвинениями! Джеймс в жизни ничего не украл, кроме разве только первого места на скачках, как любой хороший жокей!

Присутствующие изумленно обернулись. В дверях, пошатываясь, стояла Джесси Уорфилд, завернувшись в черное шерстяное одеяло. Медные волосы рассыпались по плечам, почти закрыв белую повязку на голове. Ночная сорочка Джеймса из тонкого белого полотна, сшитая его заботливой маменькой, едва

прикрывала колени.

Глава 6

– Какого дьявола ты вскочила с постели?! – закричал Джеймс, подбегая, чтобы подхватить ее: казалось, девушка вот-вот потеряет сознание. Однако она по-прежнему держалась на ногах, только прислонилась к двери.

– Мне пришлось... э-э-э... заняться кое-какими... личными делами, – пояснила она. – А потом я открыла дверь спальни и услышала, как вы кричите друг на друга.

Она посмотрела в сторону Аллена Белмонда, который словно застыл на месте у продавленного дивана с розовой обивкой. Джеймс едва не рассмеялся при виде девушки. Она выглядела куда хуже, чем он после ночи безудержного пьянства, но тем не менее шагнула было к Белмонду, однако, тут же передумав, угрожающе потрясла кулаком:

– Попробуйте только еще раз пригрозить Джеймсу, Аллен! В Марафоне лучший конный завод во всем Мэриленде, если не считать, конечно, папиного. Даже не окажись я на дороге, Джеймс нашел бы способ отыскать Суит Сьюзи! Он не знал бы ни сна, ни отдыха, пока не добился бы своего! И если вы считаете иначе, значит, просто глупы! Говорила я Элис, чтобы не выходила за вас, но она не послушалась и, подумать только, как теперь несчастна по вашей милости! А вы еще и обвиняете Джеймса в краже вашей проклятой кобылы!

– Спасибо, Джесси, – торжественно произнес сбитый с толку, но почему-то развеселившийся Джеймс. – Ну а сейчас немедленно в постель!

– Джеймс, – вмешался Оливер Уорфилд, вставая между ним и дочерью. – Джесси – незамужняя девушка. Она не может находиться у тебя без компаньонки или кого-то из родных! Проклятие, придется мне переночевать здесь! Есть в доме еще одна спальня?

– Готова поклясться, она тоже нуждается в ремонте, – вставила Джесси, опираясь на дверной косяк. – По крайней мере у моей ужасный вид, а это лучшая комната. Обои противно зеленые и выцвели, за исключением тех мест, где они промокли. Целые полосы вздулись и вот-вот отвалятся!

– Спасибо, Джесси, – повторил Джеймс, на этот раз испытывая желание устроить ей хорошую взбучку.

– При чем тут обои?! Не желаю слушать подобный вздор! И немедленно забираю отсюда Суит Сьюзи! – прошипел Аллен. – Я не собираюсь больше рисковать ее безопасностью!

– Конечно, Аллен, – небрежно бросил Джеймс. – Ослоу, вели растереть и приготовить Суит Сьюзи.

– Не стоит, – покачал головой Ослоу, обернувшись к Аллену. – Послушайте, сэр, Суит Сьюзи до сих пор в тече – вы же слышали, что сказала Джесси. Нет ничего хуже, чем перевести ее в другую конюшню, не дождавшись, пока она перестанет гоняться за каждым жеребцом. Это ей может повредить. Здесь мы сумеем ее сберечь.

– В точности как сегодня?

– Я узнаю, что произошло, – пообещал Ослоу, – и сам стану ее охранять.

– Делайте, как считаете нужным, Аллен, – хмыкнул Джеймс. – Лично мне в высшей степени наплевать.

Он взял Джесси за руку и вывел в коридор.

– Об этом все услышат, Уиндем!

– Позвольте мне врезать ему, Джеймс, – попросила Джесси, стараясь вырваться. Но Джеймс только усмехнулся и крепче сжал ее руку.

– Тебе стоит лишь пристально посмотреть на него, чтобы перепугать до смерти.

– Я так плохо выгляжу?

«О дьявол!» – подумал он, глядя в ее бледное лицо. В зеленых глазах плескалась боль, боль, которой не было мгновением раньше. Неужели он ранил ее чувства? Нет, только не чувства Джесси Уорфилд. Да ведь у девчонки нет ни капли тщеславия, из нее такая же женщина, как из...

– Нет, просто ты такая грозная, как настоящая женщина-пират. Я хотел сказать, что при одном взгляде на тебя он тут же заткнулся. Жаль, что ненадолго.

– Я никогда не любила Аллена Белмонда. Он плохо обращается с Элис. И с лошадьми тоже. Не позволяйте ему забрать Суит Сьюзи. Купите ее!

– Джесси, она принадлежит ему. Ну вот, ты сейчас упадешь! Я возьму тебя на руки. Хорошо?

– А мне показалось, вы говорили, что я слишком тяжелая.

– Верно, зато я силен и вынослив. Не вырывайся.

– Я сейчас приду, – окликнул их доктор Хулахен. – И дам тебе еще немного опия, Джесси. Оливер, с вашей дочерью все будет в порядке! Джеймс знает, что делает.

Джесси положила голову на плечо Джеймса. Густые спутанные волосы лезли ему в лицо, щекотали нос. До сих пор он не знал, что у нее столько волос!

– Ты еще не спишь?

Джесси молча качнула головой. Джеймс уложил ее в постель и рассыпал длинные пряди по подушке, чтобы они просохли, точь-в-точь как это делала Бесс.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как стойло, которое месяц не чистили.

– Значит, паршиво. Спасибо, Джесси, за то, что ты встала на мою защиту.

– Ненавижу Аллена. Элис сделала такую ошибку, выйдя за него, а теперь уже слишком поздно. Но обещаю, Джеймс, Аллену плохо придется, если он еще раз вздумает вам угрожать!

– Благодарю, – прошептал Джеймс и увидел, как зеленые глаза закрылись. Лицо было таким бледным, что веснушки на носу горели крохотными огоньками. В дверях появился доктор. – Она спит, Денси. Оставим ее в покое.

Он поднялся и потушил свечу на ночном столике.

– Скажи, что нужно для нее сделать.

На следующее утро Джеймс стоял у ее постели, широко расставив ноги и подбоченясь.

– А теперь ты подробно расскажешь мне, что случилось. И объяснишь, как посмела рисковать жизнью из-за дурацкой лошади.

«Он в ярости», – подумала Джесси, наблюдая, как у него на шее бешено бьется жилка. Откуда только взялась его стальная сдержанность?! Обычно Джеймс орал во все горло, особенно если разозлится, как сейчас. Почему он ни разу не крикнул на нее прошлой ночью?

Девушка ухмыльнулась. Он просто боялся, что она умрет, поэтому и был так спокоен. Но теперь, убедившись, что Джесси жива, готов палить изо всех пушек.

– Отвечай, черт бы тебя побрал! И не прикидывайся, что тебе ужасно больно! Ты все это заслужила, сама понимаешь!

– Прекрасно.

– Что именно?

– Я отвечу вам. Вчера я не успела ни о чем задуматься. Увидела Суит Сьюзи, сообразила, что это единственная возможность ее вернуть, особенно когда она начала тереться о коня Билли и кусать его за круп. Жеребец уже сбросил хозяина, поэтому я вклинилась между ними, а конь Билли перепрыгнул через канаву и удрал в поле. Я схватила повод Суит Сьюзи и ускакала. Надеюсь, что они сначала поймут коня Билли, но второй вор оставил их и погнался за мной. Он выстрелил дважды, прежде чем понял, что может попасть в кобылку, а потом остановился. Вот и все, Джеймс. Не такая уж интересная история.

– Ты глупенькая и храбрая, но мне это не нравится, Джесси. Почему ты решилась на такое?

– Я уже сказала. Чтобы спасти Суит Сьюзи. Мне в голову не пришло, что у похитителя может быть револьвер.

– Следовало вернуться сюда и все рассказать мне. Я бы взял людей и погнался за негодяями.

Джесси уставилась на него. Легкая головная боль снова превратилась в пытку, раздирающую виски.

– Но что бы я объяснила вам, Джеймс?

– Не знаю, но могла бы привести меня на то место, где их видела.

– А вы позволили бы мне? Шел сильный дождь. Не побоялись бы, что я заболею? В конце концов, я ужасно хрупкая. Нет, думаю, вы заставили бы меня ехать домой, а сами вместе со своими людьми слонялись бы по всей округе и не получили бы ничего, кроме простуды. Я спасла Суит Сьюзи. Пора смириться с этим, Джеймс.

– Джесси, девочка, как ты себя чувствуешь? Мы с Бесс принесли тебе завтрак. Доктор Хулахен предупредил, что сегодня утром ты будешь умирать от голода! Посмотри, что для тебя приготовила Бесс! Овсянка, и яичница-глазунья, как ты любишь, и поджаренный хрустящий бекон, и... – Уорфилд осекся, глядя на дочь, лежавшую с крепко зажмуренными глазами.

Затем перевел взгляд на Джеймса, стоявшего у постели: прямой как палка, руки скрещены на груди. Пожалуй, его молодой приятель выглядел куда более грозным и опасным, чем щитомордник, которого Оливер согнал с нагретого солнцем камня на прошлой неделе.

– Какого дьявола здесь происходит, Джеймс? Надеюсь, ты не кричишь на мою дочь?

– Я и голоса не повысил. И говорю совершенно спокойно, что Джесси – несчастная дуручка. Не могу поверить, что она ринулась на этих воров и разыграла героиню. Глупо, нелепо и...

– И мне удалось спасти лошадь. Поэтому заткнитесь, Джеймс.

– Молодец! – нежно сказал Оливер, давая дорогу Бесс, внесшей в комнату огромный серебряный поднос, на котором было достаточно еды для двух толстяков.

– Покажи ему, Джесси!

– Вы немного раздражительны сегодня, не так ли? – осведомился Джеймс, отодвигаясь, чтобы Бесс взбила подушки больной и помогла ей сесть.

– Ну, малышка, ешь лучше и не обращай внимания на этих мужчин! Что они вообще понимают?! Расхаживают как петухи, отдают приказы и ожидают, что пичужка вроде вас просто притихнет и ничего не осмелится возразить. Говорите, мисс Джесси, да погромче щелкайте зубами, как большая черепаха. Мистер Джеймс не привык, чтобы на него зубами щелкали!

– Ты все время командуешь мной, Бесс, – заметил Джеймс. – Не смей ничего советовать этой соплячке! Она и так вытворяет все, что в голову взбредет! Ты называешь ее малышкой? Да любого мужчину просто стошнит от этого!

– А мне нравится это слово. Спокойно, Джеймс. Вы злитесь, потому что я спасла Суит Сьюзи и ваше уязвленное тщеславие невыносимо вас донимает.

– Черт возьми, Джесси, ты прекрасно знаешь, что это не имеет ничего общего с моим тщеславием.

– Ха!

– Довольно, мистер Джеймс! Я не желаю, чтобы у девочки началась лихорадка!

– Нет, ты хочешь, чтобы она ела до тех пор, пока не растолстеет так, что не пролезет в эту дверь, и поэтому будет вынуждена остаться здесь и жаловаться с утра до вечера. Заметила что-то еще, требующее ремонта, Джесси? Ничего особенного с этими обоями, по-моему, не случилось, черт возьми!

Старая Бесс поудобнее устроила поднос на коленях Джесси и расплылась в сияющей улыбке.

– Съешьте все, что я принесла, мисс! Вот увидите, я в два счета поставлю вас на ноги! Будете у меня, как пушистый котенок!

– Котенок с лысинкой, – вставил Джеймс.

– Вам необходимо отремонтировать дом, Джеймс. Простите, Бесс, но я не голодна.

– Были бы голодны, если бы не позволяли мистеру Джеймсу вас дразнить. Идите-ка оба отсюда!

Джеймс, направляясь к двери вместе с Оливером, бросил через плечо:

– Ешь, Джесси. Предпочитаю видеть тебя толстой, а не костлявой соплячкой, которая подсматривает за гостями, прижав нос к стеклу.

– О чем это ты, Джеймс? – удивился Оливер.

Джесси прикрыла глаза, сминая между пальцами ломтик бекона, и как сквозь сон услышала ответ Джеймса:

– Собственно говоря, я имел в виду не окно, а потолок и ее уши, а не нос.

– Вот как, – кивнул Оливер, – а я уже начал недоумевать.

Когда на следующий день к дому Джеймса подъехал экипаж с Глендой и миссис Уорфилд, решившими забрать Джесси, Джеймс сначала подумывал, как бы удрать. Он даже заранее выставил дозорного Джипсома, помощника Ослоу, который должен был свистнуть дважды. Джеймс как раз успел бы оседлать Тинпина и лететь куда глаза глядят. Но план, к сожалению, не удался. Джеймс успел добраться лишь до верхней ступеньки, когда Томас открыл дверь, чтобы приветствовать миссис Уорфилд и Гленду. Что, дьявол побери, случилось с Джипсомом?

– Миссис Уорфилд, – пролепетал он, взяв себя в руки, – рад вас видеть, мэм. Гленда! Я собирался отнести Джесси чай. А где Оливер?

– Мы ваши спасители, Джеймс, – объявила Гленда, впуская в гостиную, как всегда, с обнаженной до последних пределов приличия грудью. – Мы приехали избавить вас от Джесси. Она, наверное, непрерывно жалуется? Впрочем, как обычно. Уверена, вам тяжело пришлось.

– Ничуть. Джесси сегодня чувствует себя гораздо лучше. Хотите последовать за мной или подождете в гостиной?

– О, мы, конечно, пойдём, – уверила Гленда и направилась к Джеймсу, не сводя глаз с застёжки его брюк. Она встала чуть ниже, с таким расчетом, чтобы груди чуть касались его рукава. Но миссис Уорфилд одарила их благосклонным взглядом.

– Да, – кивнула она, – пойдём проведем милую Джесси.

Милая Джесси чувствовала себя отвратительно. Голова раскалывалась. Джеймс не позволял ей читать «Федерал газетт», объясняя, что голова только еще больше заболит. Ей все надоело. Она хотела, чтобы пришел Джеймс, с ним можно поспорить или поссориться... или просто поглядеть на него. И когда он неожиданно появился на пороге, Джесси показалось, что солнечные лучи

прорвали черные тучи. Она широко улыбнулась, но тут заметила Гленду и мать, протиснувшихся мимо Джеймса, и улыбка поблекла.

– О моя дражайшая Джесси, – промолвила миссис Уорфилд, хмурясь.

– Ах, сестрица, какая ты уродливая с этими растрепанными волосами и повязкой на лбу!

Джеймс на мгновение прикрыл глаза.

– Здравствуйте, мама, Гленда. Все в порядке. Я просто плохо выгляжу. А где папа?

– Твой дорогой папаша сказал, что у него нет времени приехать за тобой. Ты вывела его из себя, Джесси, своими последними проделками! Бедному Оливеру пришлось ночевать в чужом доме, чтобы спасти твою репутацию!

Но папа обещал вернуться за ней и даже подмигнул, и Джесси поняла, что он решил избавить ее от визита матери. Значит, не удалось.

Джесси с тоской взглянула на чайник в руках у Джеймса и осмелилась возразить:

– По-моему, папе здесь понравилось. Он объяснял Джеймсу, сколько всего потребуется, чтобы привести дом в порядок.

– Верно, миссис Уорфилд. Ваш муж прекрасно провел время, – подтвердил Джеймс.

«И выпил весь мой бренди», – добавил он про себя.

Гленда расхаживала по маленькой спальне, глядя в пространство. Джеймс долго не мог понять, что это значит, и наконец сообразил – она преподносит ему себя в выгодном свете – со всех сторон. Не слишком неприятное зрелище.

Повернувшись, она мило улыбнулась хозяину:

– Почему бы нам не спуститься вниз, Джеймс, пока мама поможет Джесси одеться?

– О Господи, – охнула мать, – я забыла одежду. Придется тебе надеть платье, в котором ты была прошлой ночью.

Джесси вспомнила о своих брюках и побледнела.

Джеймс, ставя поднос, весело заметил:

– Простите, миссис Уорфилд, но дождь совершенно испортил платье. Бесс пыталась спасти его, но безуспешно.

– Твой папа так и не сказал, почему ты разъезжала верхом под дождем, Джесси. Тысячу раз я твердила тебе, что такое поведение не пристало молодым девушкам. Что же нам теперь делать?

– Если Джеймс одолжит мне свою ночную сорочку и халат, я смогу вернуться домой.

– С удовольствием, Джесси, – пообещал Джеймс, слегка кланяясь.

– Так мы спустимся вниз, Джеймс? – осведомилась Гленда, подходя к нему очень близко. Он почувствовал аромат розового масла и едва не чихнул.

– Думаю, не стоит, Гленда, – покачал он головой. – Миссис Уорфилд, позвольте мне снести Джесси вниз. Но сначала я достану халат. Джесси, не двигайся. Я сейчас приду.

Гленда, дождавшись, пока Джеймс вышел из комнаты, повернулась к сестре:

– Джеймс так красив. Он расспрашивал тебя обо мне?

– Не припомню.

– Конечно, расспрашивал! Ведь я танцевала с ним на балу у Попплтонов! Он сразу же подошел ко мне, стоило мне появиться в зале. Не сводил с меня глаз и все повторял, как грациозно я танцую.

Джесси упрямо покачала головой. Гленда отдернула юбку от мокрого пятна на стене.

– Я тебя знаю, Джесси! Вынудила его обратить на тебя внимание, не так ли? Притворилась, что больна, и ему пришлось оставить тебя ночевать! Готова побиться об заклад, что ты стонала и закатывала глаза, лишь бы не дать ему уйти! Он держал тебя за руку, верно? Так вот, он вовсе не желал этого делать, сестричка! Он даже не считает тебя женщиной, и ты это знаешь.

– Довольно, Гленда, – велела миссис Уорфилд, нервно оглядываясь.

– А теперь ты заставляешь его тащить тебя вниз по лестнице! Какой позор, Джесси! Клянусь, ты нарочно испортила платье!

– Довольно, Гленда, – повторила мать, видя, что Джесси бледна как смерть. – Возможно, твоей сестре действительно нездоровится. Оставь ее в покое. Выгляни в окно, дорогая. А, Джеймс, вот и вы.

Джеймс машинально шагнул к кровати и уже собрался надеть на Джесси халат, но миссис Уорфилд громко охнула:

– О нет, Джеймс, так неприлично! Нет, милый мальчик, лучше прогуляйтесь с Глендой, пока я переодену Джесси. Гленда, иди с Джеймсом.

Джеймс понес Джесси вниз. Съежившись от неловкости, она камнем повисла у него на руках, замкнувшись, ушедшая в себя. Даже он чувствовал это. Джеймс успел подслушать большую часть разговора с Глендой, и угрызения совести за то, что он избавляется от Джесси, терзали его. Вероятно, жизнь девушки в родном доме совсем не легка. Неудивительно, что она все время проводит с лошадьми. Джесси чистила стойла. Чинила сбрую. Ездила верхом и участвовала в скачках. И как правило, приходила первой. Так что, похоже, вполне способна справиться со своей мамашей и завистливой сестрой, а если же нет... что ж, ей было куда скрыться – конюшни не так уж далеко от дома.

Джеймс донес ее до экипажа и бережно усадил.

– Ну вот, все в порядке. Завтра приеду узнать, лучше ли тебе. Лежи подольше. Побереги себя.

И, улыбнувшись миссис Уорфилд и Гленде, добавил:

– Леди, хорошенько позаботьтесь о Джесси. У нее была тяжелая ночь.

– Непонятно почему, – пробормотала Гленда, пожирая глазами то место, которое находилось у него ниже пояса.

– Еще успеем узнать, – успокоила ее миссис Уорфилд, милостиво позволяя Джеймсу помочь ей устроиться в экипаже.

– Ну-ка подвинься, Джесси, – велела она и улыбнулась Джеймсу.

– Спасибо за то, что приютили ее.

«Приютил... словно бездомного щенка», – горько подумала Джесси.

Джеймс смотрел вслед катившемуся по длинной аллее экипажу. Сквозь гравий, которым была усыпана аллея, пробивалась сорная трава. Нужно послать кого-нибудь выкопать ее и разровнять гравий граблями. Все такое голое, неустроенное! Хорошо бы посадить еще деревья – вязы и дубы. Марафон должен утопать в зелени, выглядеть процветающим поместьем. Джесси права, черт бы ее взял! Здесь требуется так много труда. Есть к чему приложить руки!

«Бедная Джесси», – подумал он и тут же рассмеялся. Да, ему жаль ее... до первых же скачек, в которых будут участвовать оба.

В четверг утром Джеймс, щурясь от яркого солнца, шагал по Калверт-стрит, мимо бесчисленных издательств и книжных лавок, к дому 27. Он стал завсегдатаем лавки Комтона Филдинга еще с тех пор, когда бегал в коротких штанишках.

Он вошел в отделанный темными панелями прохладный зал, заваленный от пола до потолка стопками книг, казалось, безнадежно перепутанных – известный научный труд Мейсона по дренажным системам валялся поверх «Памелы» Ричардсона. Но беспорядок был кажущимся – Филдинг мог в любую минуту безошибочно вытащить нужный том. Сегодня в лавке никого не было, и Джеймс обрадовался, поскольку услышал накануне, что из Парижа получены пьесы Корнеля. И теперь Джеймсу не терпелось во всех подробностях обсудить книгу с Филдингом.

Джеймс повернул за угол и остановился как вкопанный при виде Джесси Уорфилд, погруженной в серьезную беседу с хозяином. Какого черта она здесь делает? Уж конечно, она пришла сюда не затем, чтобы покупать книги. Кроме лошадей, ее ничто не интересует!

Ухмыльнувшись, он подошел чуть ближе. Если она не стесняется подслушивать, ему сам Бог велел.

– Мистер Филдинг, вот уже в третий раз вы просите меня читать старые дневники. О чем говорится в этом?

Комтон Филдинг, известный всему Балтимору ученый, прекрасный скрипач, часто выступавший на благотворительных балах и вечерах, человек, славившийся обширными познаниями в самых различных областях, осторожно развернул ломкие страницы.

– Видите, Джесси, ему свыше ста лет, я бы сказал, он относится к началу восемнадцатого века. Жаль, что автор не ставил даты! Элиша Бентуорт посоветовал мне отыскать старые календари и сопоставить дни с датами, но где найти силы на такое? Так вот, этот бесценный дневник охватывает трехлетний период, и большую часть этого времени автор провел на Карибском море. Что вы знаете об этом, Джесси?

– Ничегошеньки, мистер Филдинг, но если хотите, я прочту его. Мне понравились и первые два, только очень трудно было разобрать некоторые слова.

– Но результат стоил усилий?

– О да. Особенно описание жизни первых колонистов в Чарльстоне.

– А, мемуары мистера Нестора. Немного странный тип, этот мистер Нестор, но я так и думал, что вам понравится. И поскольку вы не уверены, хотите ли познакомиться со сказаниями Карибского моря, почему бы вам не взять дневник домой и не прочитать его без спешки? Если захотите оставить его у себя, вернетесь и заплатите.

Джесси уже бережно перелистывала дневник.

– О, послушайте только, мистер Филдинг!

«Мы приехали на Ямайку лишь затем, чтобы попасть под непрерывный унылый дождь и обнаружить, что здешний мерзкий ром прожигает дыры во внутренностях. Разгорелась ссора, и мне пришлось всадить шпагу в живот Дейви, этого паршивого ублюдка».

Девушка подняла сияющее лицо:

– Это о пиратах? Господи, какие же они кровожадные!

– Думаю, брат торговца ромом сам был пиратом или знал кого-то из этих людей, – задумчиво кивнул Филдинг, забирая у девушки дневник. – Вы правы, такое не для молодой леди.

– Я возьму его, – решительно заявила Джесси, и Джеймс едва не рассмеялся.

– Ну что ж... если вы уверены... Прочтете и расскажете мне.

Джеймс наконец решил обнаружить свое присутствие.

– Доброе утро, Джесси. Здравствуйте, Комтон. Что это за унылый дождь и мерзкий ром? О чем идет речь?

– Вы подслушивали, – охнула она, но тут же, вспомнив собственные грехи, смущенно уставилась в пол.

– Да, но ниоткуда не падал и цел и невредим, – заметил Джеймс.

– Я дал ей дневник, которому больше ста лет. Правда, совершенно не знаю, о чем он. Джесси прочтет и расскажет мне.

– Не знал, что ты вообще умеешь читать, – заметил Джеймс.

– Собственно, на что вы намекаете, Джеймс Уиндем? Думаете, я совершенно безграмотна?

– В жизни не видел тебя с книжкой. Да и здесь не встречал.

– То же самое можно сказать и о вас. Так что же вы здесь делаете, Джеймс? Я всегда считала, что вы с утра до вечера осматриваете свои владения, объезжаете лошадей и отдаете приказания конюхам.

Поскольку Джеймс точно так же думал о ней, то счел за лучшее промолчать.

– Я открыл для себя лавку Комтона с тех пор, как был мальчишкой. Он и приобщил меня к французским романам и пьесам.

Мистер Филдинг был известен огромным собранием французских книг, но Джесси, ни слова не знавшая по-французски, никогда не обращала на них особого внимания. Зато она прочла все романы, которые смогла найти, и в последнее время Филдинг стал давать ей дневники. Джесси признавала, что они довольно интересны, хотя сюжет начисто отсутствовал. Никаких красавцев героев, похищавших героинь, никаких любовных трагедий. О да, Джесси обожала подобные вещи.

– Вы коннозаводчик и жокей, Джеймс. И конечно, не знаете французского.

– Ошибаетесь. Я провел много времени во Франции.

Джеймс внимательно осмотрел девушку с головы до ног.

– Да на вас платье! Где, черт возьми, вы его откопали? Слишком короткое и омерзительного желтого оттенка и, кроме того, висит на груди мешком. А, понимаю! Обноски Нелды или Гленды! Хотите позаимствовать пару моих носков, чтобы запихнуть за корсаж?

Комтон Филдинг смущенно откашлялся.

– Джеймс, не желаете ли посмотреть собрание пьес Корнеля, которое я только что получил? Вы особенно хотели прочесть «Сида». Туда же входят «Цинна» и «Гибель Помпеи», но лично я предпочитаю «Сида». Остальные пьесы немного утомительны и слишком напыщенны, в лучших традициях классицизма.

Джеймс в последний раз одарил Джесси крайне неприязненным взглядом и последовал за Комтоном к маленькому письменному столу в глубине лавки. В воздухе стояла такая густая смесь запахов старого дерева, полуистлевшей бумаги и книжной пыли, что Джеймс невольно задался вопросом, как удастся Филдингу дышать после нескольких часов, проведенных в чреве древнего магазинчика.

Взяв книгу Корнеля, он осторожно раскрыл ее на «Сиде» и начал читать последнюю сцену между Эльвирой и Хименой.

– Вы действительно понимаете это? – осведомилась Джесси, заглядывая в книгу через плечо Джеймса. – По мне, это чистая тарабарщина.

– Конечно, понимаю. Иначе зачем бы я стал покупать ее?

– Возможно, чтобы поставить меня на место. Меня и других оборванцев колонистов. Верно, Джеймс? Вы считаете нас всех невежественными болванами.

– Я никогда не считал тебя невежественной, Джесси, особенно сейчас, когда увидел, что ты читаешь. Подумать только, дневники! Интересуешься историей? Я потрясен.

– Но прежде чем я подсунул ей дневники, она прочитала все готические романы, которые мне удалось найти.

– Ничуть не удивляюсь, – рассмеялся Джеймс. У Джесси был такой вид, словно она готова заживо содрать с него кожу, но девушка, ничего не ответив, лишь плотнее сжала губы. Странно. На нее, во всяком случае, не похоже.

Почувствовав себя немного виноватым, Джеймс решил сделать ей приятное и попытаться помириться:

– Пойдем, Джесси, я куплю тебе мороженое на Балтимор-стрит. Как тебе нравится такое предложение?

Девушка просияла от удовольствия.

– Наверное, нравится. Самую малость.

Джеймс заплатил Филдингу за Корнеля и проводил Джесси вместе с драгоценным дневником на улицу. Он был поражен, заметив, что сегодня она даже захватила зонтик, изящную цветастую безделушку, которую, правда, держала наперевес, как палку. Огненные волосы были слишком туго схвачены черной бархатной лентой на затылке.

– Мы идем к Болбони?

– Совершенно верно. Сын мистера Болбони Грей хочет изучить основы управления конными заводами. Я подумываю взять его к себе.

– О Боже!

– При чем тут Бог?

– Там ваша любовница, миссис Максуэлл. Она машет вам рукой.

И действительно, Конни Максуэлл стояла на другой стороне улицы, перед редакцией газеты Эзекии Найлса, и нетерпеливо махала рукой. Он знаком попросил подождать его и повернулся к Джесси:

– По-моему, тебе вообще не следует знать ни о каких любовницах!

– Возможно, но зато Гленде все известно насчет нее. Я сама слышала, как она рассказывала маме о миссис Максвелл. Гленда боится, что вы женитесь на Конни, а не на ней, но мама считает, что этого не произойдет. Миссис Максвелл слишком стара для вас и вряд ли сможет рожать. Мама сказала, что вам нужна молодая девушка, хорошо воспитанная, послушная, покорная и милая, которая принесет вам деньги, словом, кто-то вроде Гленды. Однако мама созналась, что миссис Максвелл прекрасно выглядит, и так оно и есть. Она прелестна. И совсем не кажется старой.

Джеймс зачарованно уставился на нее, потрясенный тем, что столь бесхитростная речь может так чудовищно звучать в устах юной девушки.

– Джесси, я не собираюсь жениться на твоей сестре.

– Разве?

Вот оно – опять этот полный надежды взгляд, задумчиво-радостный, точно у ребенка, которому предлагают рождественские сладости.

– Конечно. И ты снова подслушивала?

– О нет... то есть, может быть, не помню. Иногда они говорят при мне, словно меня нет в комнате.

– Но на этот раз все было по-другому? Ты подслушивала?

– Да, но я не шумела и ниоткуда не падала.

– Джесси, ты знаешь, что такое любовница?

– Та, на которую вы можете влезть, когда захотите.

– Влезают лошади. Люди занимаются любовью. Тебе известно, что это такое?

– Думаю, что бы вы там ни говорили, это похоже на то, что происходит между жеребцами и кобылами, – много шума, суматохи и очень больно.

– Больно?

– Кобылы всегда кричат и мечутся, а жеребцы кусают их за холки и крупы. Но тем не менее и те и другие по-прежнему делают это, значит, им нравится. Суит Сьюзи готова была принять любого жеребца, даже бедного старину Бенджи. Когда мы удирали от этих типов, я попросила Бенджи пообещать Сьюзи, что он даст ей все на свете, только бы она продолжала бежать. И она быстро бежала, Джеймс.

– Джесси, я просто ушам не верю! Пожалуйста, отправляйся к Болбони. Я догоню тебя через несколько минут, хорошо?

– Ладно. О, Джеймс, мне нравится миссис Максуэлл. Она такая хорошенькая и веселая. И ко мне так добра. Всегда ставит на меня на скачках.

– Знаю. Она мне говорила. Ты права, она очень милая. Подожди меня, Джесси.

Она смотрела, как он пробирается на другую сторону улицы между телегами, ломовыми лошадьми, экипажами и фургоном, груженным бочками с пивом, как подходит к миссис Максуэлл, здоровается, а дама улыбается и кладет ему руку на плечо. Джесси отвернулась и с такой силой сжала ручку зонтика, что она сломалась.

– А, будь я проклята, – пробормотала она и зашагала на Балтимор-стрит, к кондитерской мистера Болбони.

Джесси ела ванильное мороженое из маленькой голубой креманки. Не прошло и пяти минут, как в помещении появился Джеймс. Он сел напротив и объявил:

– Конни передает тебе привет. Она сказала также, что мой вкус значительно улучшился. Я объяснил, что ей нужны очки. Но она возразила, что я должен упросить тебя дать мне несколько советов по части скачек.

– Я могла бы дать вам не один совет, Джеймс, но сомневаюсь, что вы станете слушать. Стоит мне робко предложить что-то, как вы готовы живьем меня съесть. Кроме того, вам советы ни к чему. Говоря по правде, вы слишком высоки и тяжелы для жокея. Мне очень жаль, но должны же вы смириться с фактами. Да будь вы настоящим жокеем, не смогли бы так важничать. Кстати, как Редкот? Будет скакать в субботу в Эксминстере?

– Нет, мне снова придется его заменить. Нога заживет только через пару месяцев, не раньше. Я обучал Питера, но парень еще не готов. Ты шутя его обгонишь, а остальные жокеи постараются попросту выбить его из седла и опрокинуть в канаву на полном скаку. Нет, ему нужно больше времени, чтобы набраться злости. Так что в субботу мы снова станем соперниками. Ты поскачешь на Риальто?

– Нет, он растянул сухожилие. Подозреваю, что конюх не уследил. И поскольку скачка на четверть мили, я возьму Джигга и Бонни Блека. Они побегут быстрее ветра. Как насчет вас?

– Тинпин. И на этот раз мы придем первыми, Джесс. У тебя нет ни малейшего шанса. Я всю неделю уговаривал его, предлагал лакомства, объяснял, что ты всего лишь глупая девчонка и что, если он снова позволит тебе себя побить, ему придется удалиться в ссылку и пропасть в неизвестности. Тинпин готов к бою и жаждет крови.

– Только держитесь от меня подальше, Джеймс. И не пытайтесь притиснуть к дереву или столкнуть в канаву. Возьмите с собой и Консола. Никогда в жизни не встречала более добродушной лошади.

Джеймс, уже ничему не удивляясь, медленно кивнул:

– Ты права. Консол, может быть, чуть крупнее, чем надо, но сердце у него доброе. Я всегда боюсь, что оно разорвется, если дистанция больше четверти мили, так он старается.

– А вы никогда его не подгоняете. Поэтому я считаю вас превосходным наездником. Не таким, конечно, как отец, но тоже неплохим. Кстати, хорошенько все обдумав, Джеймс, я решила, что Конни Максвелл не совсем та, кого можно назвать любовницей.

– Ты совершенно права. Мы испытываем взаимную симпатию и доставляем друг другу наслаждение. Любовницам обычно платят. Конни очень независима. Она может расстаться со мной, если я ей надоем. Однако, Джесси, для молодой незамужней девушки подобные темы просто неприличны. Гленда, конечно, не смутилась бы, но ты... нет, это просто ужасно! Ешь свое мороженое и молчи.

– Я ем. Оно просто восхитительное. Я хочу еще.

– При условии, что ты больше не попросишь таскать тебя на руках.

– Считаете, я очень толстая?

– Господи, Джесси, да ты тоньше ножки стола! Я просто шучу.

– Вчера к ужину приехали Нелда с мужем. Он ужасно жирный, Джеймс, и ест, как Фра Так, которого перевели в производители. Иногда он попросту жрет как свинья. Вряд ли Нелда очень его любит.

– Кого? Фра Така или мужа?

Джесси облизнула ложку с мороженым.

– Нелда вообще терпеть не может лошадей, так что, вероятно, я имела в виду того и другого. Гленда объявила, что к концу сентября выйдет за вас замуж. Сказала, что будет прелестной сентябрьской невестой. И еще добавила, что к этому времени вы будете готовы на ней жениться. Мама согласилась. Она считает, что вы уже не скорбите, если вообще скорбели, поскольку мужчины обычно не предаются скорби. О чем вы должны скорбеть, Джеймс?

– Я был женат, – ответил он необычайно глухим голосом, холодным, как дуновение арктического ветра. – Моя жена умерла при родах. Это было три года назад. Я уже говорил, что не собираюсь жениться на твоей сестре. Почему бы тебе не намекнуть об этом за ужином? Не хочу быть с ней грубым, Джесси, но не имею ни малейшего намерения жениться.

– А я вам нравлюсь?

– Нет, не особенно. Ты несносная приставала, Джесси. Но зато хорошая наездница. И не смотри на меня так страдальчески. Хорошо, хорошо, нравишься... иногда. Ты доела? Хочешь еще?

– Нет. Если бы от этого я хоть немного прибавила в груди, дело другое, но все напрасно. Гленда всегда выставляет грудь напоказ. Она очень хорошенькая.

– Кому это интересно?

В следующий четверг Джесси вошла в книжную лавку Комтона Филдинга не в лучшем настроении, поскольку Джеймс, как и обещал, обогнал ее в субботу на добрых два корпуса. Отец долго ворчал, а потом отправился в Марафон с бутылкой шампанского, и они с Джеймсом напились, как забулдыги.

Джесси надеялась, что наутро Джеймс проснется с жесточайшим похмельем, но он был в церкви на воскресной службе вместе с матерью, сестрой и Джиффом и слушал, как Уинси Йеллот уговаривает в своей проповеди прихожан быть скромнее в повседневной жизни. Джесси злобно ухмыльнулась Джеймсу.

Она подождала, пока мистер Филдинг отпустит покупателя, и подошла к ученому, протягивая дневник.

– Ну что скажешь, Джесси?

– Увлекательно. Описания настолько живые, словно я сама там побывала. Не все, конечно, но я читала с огромным интересом.

– В таком случае почему ты хмуришься?

– О, просто вспомнила, как пару раз подумала, что все это мне смутно знакомо. Глупо, конечно. Мне бы хотелось купить его, мистер Филдинг. Может, у вас есть еще один для меня? Если, конечно, вы не получили новых романов.

У мистера Филдинга действительно оказался еще один дневник, и Джесси немедленно заплатила за него. Дневник был написан английским моряком, который в начале XVIII века преследовал пиратские корабли и вешал пиратов на

реях.

Мистер Филдинг вышел вместе с Джесси на улицу и сказал на прощание:

– Наберитесь терпения, Джесси. Этот парень был, по всей вероятности, не очень умен и то и дело повторяется, но, возможно, вы найдете забавными его откровения.

– Надеюсь...

Джесси испуганно осеклась, одновременно увидев и услышав летевший прямо на нее фургон. Возница нахлестывал лошадей, ронявших на землю хлопья белой пены. Копыта громко стучали по утопанной земле. Этот человек, должно быть, безумен. Или пьян. Джесси едва удалось отпрыгнуть обратно на тротуар. Она тяжело дышала, не в силах опомниться от страха, подобного которому в жизни не испытывала. Однако фургон по-прежнему мчался на нее. Кучер бешено размахивал кнутом, направляя лошадей к тому месту, где стояли мистер Филдинг и Джесси.

В последний момент Комтон схватил ее и отбросил прямо на дверь лавки. Джесси ударилась головой о створку и потеряла сознание.

– Боже мой, Джесси! Очнитесь, девочка!

Через несколько секунд Джесси пришла в себя и уставилась на бледного как смерть Комтона.

– Голова болит. Этот человек – сумасшедший. Он пытался меня убить.

– Нет, – покачал головой Филдинг. – Думаю, он просто был пьян и все это глупая случайность. Не стоит беспокоиться, Джесси.

– В таком случае почему же он гнал прямо на меня?

– Не знаю, но порасспрошу людей.

– Может, он охотился на вас, мистер Филдинг?

– Возможно, – согласился тот и широко улыбнулся: – Вероятно, он когда-то просил меня давать уроки игры на скрипке, а я отказался.

Только тогда Джесси слегка усмехнулась.

За ужином она обо всем рассказала родным.

– Ни один человек в здравом уме, – категорично заявила мать, – не стал бы убивать тебя, Джесси. Впрочем, бывает всякое. Либо Комтон Филдинг был прав, и у него появились враги.

Гленда положила в рот кусочек бланманже, облизнула губы и небрежно бросила:

– Мама права. Кто может заинтересоваться тобой настолько, чтобы захотеть убить? Вздор! И твоя история – сплошная чепуха!

Отец, до сих пор молчавший, медленно выговорил:

– Все произошло точно так, как ты сказала, Джесси? Хорошо, я сам поговорю с Комтоном. А пока забудь об этом, дорогая. Ешь тушеную свинину. Вот и молодец.

Отец больше не упоминал об этом. Ко дню следующих скачек Джесси и сама забыла о случившемся, поклявшись ни за что не уступить Джеймсу. Но жокей из Виргинии попытался выбить ее из седла рукояткой хлыста, и вообще день выдался ужасным – многие жокеи были ранены и покалечены, и ни Джеймс, ни она не пришли первыми.

Глава 8

Идеальная чистокровная лошадь рождена, чтобы участвовать в скачках, натаскана на выигрыш и мчится вперед, пока не разорвется сердце.

Балтимор, штат Мэриленд

Апрель 1822 года

Увидев Джесси, выходявшую из маленькой модной лавки, Джеймс никак не мог уразуметь, какого дьявола она там делала. Он приветливо помахал девушке и пригласил к Болбони поесть мороженого. Джеймс сам не знал, что сподвигло его на это, но так уж вышло. Вероятно, потому, что оба проиграли на последних скачках.

Однако восторг Джесси снова был тревожно очевиден, и это совсем не понравилось Джеймсу. Они обсудили скачки и, ко взаимному удивлению, обнаружили, что сочувствуют друг другу, а подобное случалось крайне редко. Джеймс даже заказал ей вторую порцию мороженого и при этом не отпустил ни одной ехидной реплики.

В этот момент мистер Парвис, старый репортер из «Федерал газетт», ворвался в кондитерскую с воплем:

– Аллен Белмонд только что найден застреленным! Пуля прошла через рот!

– О Боже! – воскликнула Джесси. – Так он мертв, мистер Парвис?

– А, Джесси, это вы! Да, мертвее скумбрии, пойманной в Патапко неделю назад! Весь затылок разнесло! Бедняжка – жена нашла его в одной из шорных кладовых.

– Какой ужас! – ошеломленно проговорил Джеймс. – Не могу представить, что Аллен способен застрелиться.

– О нет, – покачал головой мистер Парвис, потирая руки. – Кто-то прикончил его.

Джесси подумала о милой, беспомощной, хрупкой Элис и вздрогнула. Она любила Элис, возможно, потому, что та никогда дурного слова не сказала о ее пристрастии к скачкам и мужской одежде. Именно Элис посоветовала ей огуречный сок для осветления веснушек.

Представив, во что превратилась голова Белмонда, девушка задохнулась: ее чуть не вырвало прямо в подтаявшее мороженое.

– Джесси, ты расстроена из-за бедной Элис Белмонд, – произнес Ослоу Пенни, – и я вполне тебя понимаю. Завтра увидите, и сможешь кудахтать над ней сколько душе угодно. Но сегодня никаких вздохов и слез. Вот так. Лучше пожуй соломинку, надвинь пониже шляпу, чтобы защитить от солнца свою красивую белую кожу, и послушай историю кота Грималкина.

– Хорошо, Ослоу.

Джесси опустила пониже вытертую кожаную шляпу, устроилась поудобнее на вязанке сена, подтянула колени к подбородку и впилась зубами в толстую соломинку.

– Ты помнишь, что все американские чистокровки произошли от трех жеребцов.

– Да. Турок Байерли, араб Годолфин и араб Дарли.

– Совершенно верно. Так вот, араб Годолфин родился в 1724 году. И выбрал себе в товарищи не конюха, не своего владельца и даже не ослика. Он подружился с котом Грималкином. Чертов полосатый котяра взбирался на него и ехал, гордый и самодовольный, взирая на мир, словно какой-нибудь проклятый принц. Кот ел вместе с жеребцом, расчесывал когтями его гриву и спал, обвившись вокруг его шеи. Никто не мог понять, почему конь и кот так неразлучны, но самое страшное случилось, когда Грималкин сдох. Жеребец словно с ума сошел. Не ел целыми днями, никого не подпускал и чахнул на глазах. Пытался затоптать любую кошку, которая попадалась ему на пути. Говорят, его даже похоронили рядом с Грималкином.

– Хорошая история, Ослоу. Но я думаю, ты все выдумал.

– Вовсе нет. Ослоу сказал чистую правду.

– Господи, Джеймс, вы-то что здесь делаете?

- Питер шепнул, что вы обмениваетесь совершенно невероятными историями.
- Она расстроена из-за несчастной Элис Белмонд. Правда, не понимаю почему. Ведь та наконец избавилась от негодяя мужа. Я хотел немного развеселить ее, и мне это удалось.
- Прекрасно. Не изводи себя, Джесси, не стоит. Это новая шляпа?
- Я нашла ее в сундуке на чердаке. Ее нужно только почистить и немного переделать. Но она мне нравится.
- Да, она тебе определенно идет. И защищает твой нос от солнца. Однако я, кажется, чувствую запах нафталина. Сколько лет этой штуке, Джесси?
- По-моему, она принадлежала еще моему деду.

Он снова оглядел Джесси, покачал головой и объявил:

- Пришел Гордон Диккенс, здешний судья. Он хочет поговорить об Аллене Белмонде. Кажется, Гордон прослышал о том скандале, что произошел за несколько дней до гибели Аллена, когда тот был так зол, что хотел немедленно забрать Суит Сьюзи. Джесси, почему ты хватаешься за горло? И с чего ты так побелела?
- Я действительно угрожала ему, Джеймс. В присутствии свидетелей. Вам пришлось едва ли не силой оттащить меня от него. Как по-вашему, меня повесят?
- Нет. Неужели я и впрямь оттаскивал тебя от него? Странно, ничего подобного я не помню. Ну же, поднимайтесь оба! Денси Хулахен здесь, так что все герои того вечера в сборе.

Гордон Диккенс ненавидел чай с того времени, как мачеха заставляла пить его, пока штанишки пасынка не становились мокрыми. «Превосходное наказание для языкастого маленького негодяя», – удовлетворенно заявляла она каждый раз, как он терял выдержку и мочился. Гордон ненавидел даже тех, кто пьет эту мерзость, потому что ему немедленно хотелось облегчиться. Он едва

сдерживался, наблюдая, как Джесси Уорфилд подносит чашку к губам, но поделаться ничего не мог. Он здесь, чтобы выполнить свой долг. И нужно быть настороже. Необходимо не только прислушиваться к словам, но и тщательно изучать выражение их лиц. Отец частенько повторял: «Если знать, что искать, можно всегда распознать вину в глазах мужчины или женщины». Он не слишком понимал, что это значит, но всегда внимательно присматривался. Сейчас он даже не имел права думать о своей пухленькой жене, теплой и обнаженной, с восхитительно спутанными волосами, ожидавшей его в супружеской постели.

Гордон судорожно сглотнул и вынудил себя думать о служебных обязанностях. Он перевел взгляд с девушки на Денси Хулахена и Джеймса Уиндема и откашлялся.

– Хотите горячую булочку, Гордон?

– Нет, Джеймс, спасибо. Я бы желал услышать, что случилось после того, как Джесси Уорфилд привела обратно кобылу. Томас, вы тоже зайдите. Вы ведь были здесь той ночью.

– Совершенно верно, мистер Диккенс, – сухо произнес Томас, давая понять, что знает свое место. – Бедная мисс Джесси была вся в крови, а мистер Джеймс едва успел подхватить ее. Да, сэр, не до веселья нам было.

– Расскажите подробнее обо всем, что произошло.

Вытянув из собравшихся все факты, Гордон пригладил усики, уставился на Джесси и заметил:

– Насколько я понимаю, вы и мистер Уиндем – соперники. Я всегда ставлю на Джеймса, но вы в пяти случаях из десяти приходите первой, что, конечно, никуда не годится. Я сам видел, как вы пытались теснить его конем и даже брыкались, а он хотел загнать вас в канаву. Вы враги. С какой стати вы вдруг защищаете его и угрожаете Аллену Белмонду? И почему вообще взяли на себя труд спасти кобылу? Она вам не принадлежит.

– Мне нравится Суит Сьюзи. Прекрасная кобылка. Вы, конечно, не нашли тех, кто ее украл? Или того, кто нанял этих двоих?

Гордон был слишком занят, готовясь к собственной свадьбе, а потом стараясь поскорее приобщиться к радостям брачной постели, чтобы уделить внимание грабителям, но, конечно, не признался ни в чем подобном. Он вспомнил о том, как провел утро, и, покраснев, поспешно встряхнулся. Кому нужна эта проклятая лошадь, когда Элен лежит и ждет его, улыбаясь, протягивая руки.

– Пока еще нет, – сказал он вслух, голосом таким же ледяным, как весенний балтиморский ливень. – Вы не ответили на мои вопросы, мисс Уорфилд.

– Для меня не имеет ни малейшего значения, что ее хозяином был Аллен Белмонд, не слишком приятный человек. Я постаралась бы спасти Суит Сьюзи, принадлежи она даже Мортимеру Хэки, поистине омерзительному негодяю. Аллен Белмонд раздражал окружающих, сыпал обвинениями в адрес Джеймса, причем совершенно необоснованными, и мне хотелось огреть его чем-нибудь.

– И возможно, вместо этого вы его пристрелили.

Джеймс, который до сих пор стоял, прислонившись к каминной полке, рванулся вперед, угрожающе навис над Гордоном и, схватив его за воротник, начал трясти что было сил:

– В жизни не слышал более смехотворного вздора! Да взгляните на нее – она же белее стенки! Придержите язык, или вам не поздоровится!

– Но послушайте, Джеймс, я всего лишь выполняю свой долг. Она угрожала ему и, кроме того, разыгрывает из себя мужчину, так что скорее всего и владеет оружием, как мужчина, и...

Желая отвлечь Джеймса, явно примерявшегося, как получше врезать кулаком в челюсть Гордона, доктор Хулахен поспешно вмешался:

– Вряд ли вам известно, что Аллен Белмонд когда-то хотел жениться на Урсуле Уиндем, сестре Джеймса.

Джеймс круто обернулся, глядя на доктора с таким видом, словно у того выросла лишняя пара ушей.

– Но он не женился на Урсуле, и у меня не было причин стрелять в него. Откуда вы знаете об этом, Денси, черт возьми?!

– Жена мистера Белмонда вскоре после свадьбы заболела. Кроме того, она выглядела угнетенной, бледной и была готова каждую минуту разразиться слезами. Рассказывала, что сразу же после венчания муж начал ее избегать и несколько раз во время... скажем... э-э-э моментов... близости называл Урсулой.

Джеймс ошеломленно уставился на Денси Хулахена и, даже не заметив, что выпустил Гордона Диккенса, машинально поправил воротник его сюртука и мягко толкнул обратно в кресло.

– Я предупреждал Элис, что не стоит выходить за него замуж, – вздохнул он. – Аллен женился на Элис Стоддарт назло Урсуле, когда та вышла за Джиффа, в надежде заставить ее ревновать. Только он не добился своего. Аллен никак не мог поверить, что Урсула к нему равнодушна и предпочитает Джиффа Попплтона. Элис мне тоже не поверила.

Он взглянул Гордону прямо в глаза.

– Вы будете держать язык за зубами, Гордон. И все остальные тоже, слышите? Это касается и вас, Денси. Да-да, я понимаю, почему вы внезапно вытащили это на свет Божий. Успокойтесь, я вполне владею собой и не собираюсь сводить счеты с Гордоном, по крайней мере в последующие пять минут. Запомните только, что все это никак не связано с убийством Аллена.

Диккенс нервно потерял галстук.

– Повторяю, я всего лишь выполняю свою работу. Однако вы правы, Джеймс, все это не имеет ничего общего с безвременной кончиной Белмонда.

– Кто же, по-вашему, убил мистера Белмонда, Джеймс? – поинтересовалась Джесси.

– Не имею ни малейшего понятия. Как ты сама сказала, Джесси, он был не слишком приятным человеком. Послушайте, Гордон, у Аллена Белмонда было два деловых партнера. Вы допрашивали их?

– О да. Они ненавидели друг друга. Обвиняют один другого в воровстве, обмане, подделке документов. Кошмар! Во всей этой путанице невозможно разобраться! – Гордон Диккенс поднялся. – Я надеялся, что один из вас окажется виновным. Тогда все было бы куда проще.

– Ну, Гордон, огромное вам спасибо, – обиделся доктор.

– А как насчет скачек? – вставил Ослоу. – Мистер Белмонд играл по крупной и, как я слышал, не всегда платил проигрыш. Кроме того, ходили слухи, что он приложил руку к отравлению Рейнбоу, чистокровной четырехлетки от Беллертон и Медли в прошлом году, на соревнованиях на кубок Балтимора. Лошадь, на которую он ставил, пришла первой, и мистер Белмонд выиграл кучу денег. Конечно, все это не доказано.

– Ничто не доказано, – горестно покачал головой Гордон Диккенс и, поднявшись, одернул сюртук, ставший последнее время слишком свободным. Он похудел. Это хорошо. И все из-за непривычно резвой возни с женой в постели. – Черт бы побрал Белмонда, – проворчал он, глядя на остальных с угрюмым раздражением. – Почему он просто не мог броситься вниз с того обрыва у Миллерз-Джамп? Тогда это считалось бы несчастным случаем и дело можно было закрыть.

Миссис Вильгельмина Уиндем мертвой хваткой вцепилась в руку сына.

– Кто это приехал к бедняжке Элис? Как бы то ни было, избавься от него, Джеймс, и поскорее. Мы уже здесь, и, следовательно, кроме нас, никто не должен выражать ей соболезнование. У некоторых людей омерзительные манеры! Но что взять с этих деревенщин!

Джеймс отправился в городской дом Белмондов на Сент-Пол-стрит, чтобы предложить вдове помощь и поддержку, и у самых ворот столкнулся с матерью, выходявшей из ландо, которое он сам ей купил три года назад.

– Ты предупредила Элис, что собираешься навестить ее?

– Конечно, нет, но какое это имеет значение? Иди же, Джеймс, делай, как я велела!

Джеймс молча улыбнулся матери, зная, что никакие силы, кроме разве урагана, не смогут отвлечь ее от цели. А возможно, и ураган окажется куда слабее этой женщины.

Гостями Элис были Гленда и Джесси Уорфилд.

Тощая сгорбленная женщина впустила Уиндемов в гостиную Белмондов. Гленда чинно сидела на диванчике, изящно сложив ручки и разложив вокруг себя юбку красивыми складками. Джесси стояла подле Элис, обняв худенькие плечики вдовы. На ней снова были обноски сестры, платье из светло-серой шерсти, в котором она выглядела молодой монахиней, примерившей рясу сестры-настоятельницы. Как и все остальные, платье было слишком коротко и широко в груди. Еще с порога Джеймс услышал, как Джесси говорит:

– Элис, миссис Партридж сказала, что ты почти ничего не ешь. Ну же, смотри, вот свежие лепешки. Давай я намажу их для тебя маслом и клубничным джемом, хорошо?

Элис ответила беспомощным взглядом, и Джеймсу мгновенно захотелось подхватить ее на руки и прижать к себе, как ребенка. Он считал, что все остальные относятся к Элис точно так же. Но очевидно, Джесси не входила в их число. Она буквально пригвоздила его к полу, твердо заявив:

– Довольно, Элис. Ты съешь эту лепешку, даже если придется силой запихать ее тебе в горло!

На бескровных губах Элис заиграла робкая улыбка. Она даже чуть-чуть выпрямилась и подняла глаза, когда миссис Партридж громко откашлялась.

– О, миссис Уиндем! Джеймс! Входите!

Элис молниеносно взметнулась с кресла, и Джесси поняла почему. Любой человек вскакивал с места, стоило Вильгельмине Уиндем приблизиться на несколько шагов. Эта леди и ее пугала до смерти, однако раньше Джесси

умудрялась избегать ее. Но теперь выхода не было.

Вильгельмина взглянула на Элис, на щеках которой загорелись два ярко-красных лихорадочных пятна, и строго заметила:

– Вы скорбели три дня, Элис. Поверьте, Аллен Белмонд большего не заслуживает, не говоря уже о том, что вы еще и не едите! Наверное, вы пережили потрясение при виде мертвеца! Кажется, это вы его нашли? Ну а потеря не так уж велика. Мне бы хотелось выпить чашку чая с одной из тех лепешек, о которых говорила Джесси.

– Да, мэм, – пролепетала Элис и выпорхнула из гостиной.

– Понятия не имела, что она может двигаться с такой быстротой, – пробормотала Джесси. – Прекрасная работа, мэм.

Вильгельмина мельком взглянула на Джесси, вздернула подбородок и обратилась к Гленде, выжидательно вытянувшейся на диване:

– Выглядишь неплохо, Гленда, но уж слишком низкий вырез на платье! Вся грудь наружу. Возьми.

Она протянула девушке белоснежный батистовый платок. Гленда взяла его, не понимая, что делать дальше.

– Прикрой грудь, дорогая, – посоветовала Вильгельмина. – А ты, Джесси... нет, сначала мне необходимо сесть. От тебя трудно ждать каких-то сюрпризов. По крайней мере сегодня от твоих волос не несет лошадыми. У меня больше нет платков, иначе я дала бы и тебе один, чтобы немного заполнить тот мешок, что у тебя на месте груди. Нужно поговорить с твоей матушкой. Пусть сошьет тебе несколько платьев! Хватит носить чужое старье!

Джеймс, уже привыкший к выходкам матери, особенно когда та рвалась в бой, тем не менее едва не поперхнулся.

– Мама, я думаю, тебе следует сесть. А вот и миссис Партридж с чаем и лепешками. Лучше возьми сразу две. Ну же, Элис, не маячьте у двери. Я хочу

поговорить с вами. Пойдем в кабинет Аллена.

Кабинет Аллена Белмонда оказался темной комнатой с тяжелой, обтянутой кожей мебелью и книжными полками, расставленными вдоль стен. Джеймс был уверен, что Белмонд в жизни не открыл ни одной книги. Он усадил Элис в кресло, присел перед ней на корточки и взял в ладони ее тонкие белые пальчики.

– Моя мать – настоящий тиран, Элис, но она права. Аллен не стоит ни одной вашей слезинки. Кроме того, вспомните о большом поместье, которым надо управлять. От вас зависят десятки людей.

– Я женщина, Джеймс, и ничего не знаю. Аллен никогда ни о чем со мной не советовался. Он всегда говорил, что мое дело – вести хозяйство и рожать детей. Теперь, когда его не стало, я чувствую себя так... словно застыла. Некому объяснить мне, что делать.

– Вы любили его, Элис?

– Хотела полюбить, Джеймс. Вы это знаете. Верила, что смогу заставить его забыть Урсулу, но так ничего и не вышло. Он всегда твердил, что Урсула никогда не говорит таких глупостей, как я, не ноет и не жалуется. Нет, больше я его не люблю и поэтому после смерти пойду в ад.

– А мне кажется, что вас, наоборот, оттуда выпустили. Вы сумеете справиться с этим, Элис.

– Его партнеры уже успели сообщить, что дело не приносит дохода и мне ничего не причитается. Мне все равно, потому что отец обо мне позаботится. Он выдавал мое приданое Аллену по частям, каждый год, и Аллен был вне себя от злости. Отец уже сказал, что будет по-прежнему давать мне те же деньги и что, если я не захочу, нет нужды снова выходить замуж.

– Я рад, Элис. И не тревожьтесь насчет проклятых партнеров, адвокат Аллена Дэниел Реймонд разберется с этими негодяями. Деньги, возможно, вам не нужны, но должна существовать справедливость. Кроме того, нужно подумать о ферме, Элис. Вам неплохо узнать побольше об управлении племенной фермой.

– Именно так и сказала Джесси. Пообещала, что научит меня.

Джеймс осекся. Что, черт возьми, задумала Джесси?

– Я не знал, что вы и Джесси такие хорошие друзья.

– О да, вот уже много лет. Нелда и Гленда тоже мои подруги. Мои родители всегда меня оберегали. А Джесси – такая вольная пташка, делает все, что захочет, и не боится, что мать накричит на нее, запрет в спальне на неделю, если она загорит или порвет платье. Джесси всегда была храброй, не то что я, трусиха. Но она говорит, что теперь никто не имеет права указывать мне, что делать, и я могу вести себя так, как заблагорассудится. Она считает, что я должна оттаять и деньги мне в этом помогут.

Джесси утверждала все это? Неужели он ошибался? Джеймс всегда считал, что Элис Стоддарт Белмонд – одна из тех дам, которые просто не могут обходиться без опеки мужа или по крайней мере старшего брата, чью роль взял на себя Джеймс. Он нисколько в этом не сомневался. Но теперь лишь тупо глазел на Элис. Неужели в этом бесплотном голоске слышатся твердые нотки?

– Джесси не так уж свободна, – осторожно заметил он. – Она все-таки женщина. Живет в семье. И обязана слушаться матери.

Глаза Элис наполнились слезами.

– Думаете, она не сумеет помочь мне, Джеймс?

– Я этого не сказал. Просто все много сложнее, нежели кажется на первый взгляд. Так или иначе, я и Реймонд встречаемся с бывшими партнерами Аллена. Он приедет попозже с бумагами на подпись. Сейчас главное для вас – побольше есть и оттаять, как говорит Джесси.

– А что делать с Мортимером Хэки? – едва заметно вздрогнула Элис.

Хэки владел небольшим конным заводом к западу от Балтимора. Мелочный, бесчестный человек, позоривший саму идею скачек.

– Какое отношение имеет к вам этот негодяй?

– Он хочет купить ферму. И по-моему, заодно занять место Аллена. Появляется здесь не меньше пяти раз на дню. Слишком долго держит меня за руку, а один раз даже поцеловал в щеку. Меня едва не стошнило. Он омерзителен.

– Велите миссис Партридж больше его не впускать. Я поговорю с ним, Элис.

Они направились в гостиную, и Джеймс еще в коридоре услышал зычный голос матери, который, по-видимому, можно было слышать в конце Сент-Пол-стрит.

– Нет зрелища более отвратительного, чем не уважающая старших девушка. Джессика Уорфилд, я запрещаю говорить со мной подобным образом! Как ты смеешь не соглашаться с тем, что ясно как день!

– Но, мэм, Нелда вышла замуж по собственной воле. Мама вовсе не заставляла ее стать женой Брамена. Что же касается папы, он объявил, что у него все внутри переворачивается при мысли о том, что дочь выходит замуж за человека старше, чем он сам. Нет, мэм, это была идея Нелды.

Вильгельмина Уиндем фыркнула, крайне неизящно, но весьма грозно.

– Ты всего-навсего глупая девчонка, Джессика, и ни в чем не разбираешься. Зато я знаю все. Твоя мать – расчетливая интриганка и крайне преуспела в этом. Я многому ее научила. Она хотела, чтобы Нелда купалась в деньгах, и поэтому вцепилась в Брамена. Нелда голоса не смела подать. Так вот, попробуй еще раз возразить, и я пожалуюсь твоей матушке. И объясню, как с тобой справиться.

Джесси гордо вскочила.

– Гленда, нам пора. Я должна попрощаться с Элис.

– Я с места не сдвинусь, Джесси. Не смей грубить миссис Уиндем. Если все пойдет как надо, у нее появится полное право вмешиваться в нашу жизнь.

– И что это должно означать? – рявкнула Вильгельмина, пригвоздив Гленду к дивану уничтожающим взглядом. – Я тебя хорошо изучила, Гленда Уорфилд.

Тебе понадобился мой сын. Так вот, дорогая, если тебе не терпится видеть меня своей наставницей, это, пожалуй, можно осуществить. Я уже не раз напоминала ему, что его неблагоразумная, несчастная женитьба на англичанке не кончилась бы так трагически, если бы он слушался меня. Собственно говоря, этого брака вообще бы не было.

– Мама, нам пора идти, – очень тихо окликнул ее Джеймс с порога. – Элис устала и хочет отдохнуть. Пойдем, мама.

– Сейчас, дорогой Джеймс.

Она величественно поднялась, пригладила локоны, обрамлявшие ее все еще красивое лицо, и протянула руку сыну, которому, говоря по правде, хотелось придушить ее. Джесси выглядела разъяренной до крайности. Гленда что-то тихо напевала себе под нос, перебирая ткань юбки белыми мягкими пальцами.

– Джесси, позволь мне проводить тебя домой, – предложил Джеймс. Гленда встала так стремительно, что платок миссис Уиндем выпал у нее из-за корсажа.

– В этом нет нужды, Джеймс. Джесси и мне давно пора быть дома. До свидания, Элис.

Когда они выходили из дома, к воротам подкатил экипаж Нелды. Сестры обменялись всего лишь кивками.

Глава 9

Джесси истово молилась, чтобы дождя не было, но, кажется, Господь ее не услышал. В конце концов, это Балтимор, и большинство его жителей свято верили, что Бог, рассердившись или просто придя в плохое настроение, разверзал хляби небесные, даже если десять минут назад светило беспощадное солнце.

Дул холодный ветер, воздух был плотным и влажным, мрак – беспросветным, на небе ни звездочки. Джесси поплотнее закуталась в мужское пальто и

перегнулась через розовый куст, чтобы получше разглядеть бальный зал Бланчардов. Джеймса она заметила едва ли не сразу же. Он был выше почти всех остальных мужчин. И когда смеялся, запрокидывал голову, показывая загорелую шею. Интересно, что его так развеселило? Ей это, честно говоря, никогда не удавалось, по крайней мере в ее присутствии он никогда не хохотал столь заразительно.

Ее тоже пригласили на бал, но Джесси отказалась, как всегда, только на этот раз мать снова и снова оглядывала ее с головы до ног и лишь потом, поджав губы, сухо, недобро улыбнулась. Дело не в том, что она не желала дочери приятно провести время. Просто Джесси, как всегда, будет выглядеть настоящей дурой и, что ужаснее всего, опозорит семью, особенно если появится разодетая не хуже Гленды и неуклюже попытается вести себя как настоящая леди.

Нет, ничего не выйдет. Мать права. Джесси вздохнула и подобралась ближе к окну. Сегодня решающий вечер. Она подслушала, как Гленда вместе с матерью строили грандиозные планы.

Но Джесси не позволит им заманить Джеймса в ловушку. Он не слишком хороший человек и, возможно, заслуживает наказания, но не такого же. Страшно подумать, что ему придется провести остаток дней своих рядом с Глендой в качестве спутницы жизни. Если бы он любил ее, дело другое, но Джеймс ясно дал понять, что не женится на Гленде по доброй воле. Нет, она не допустит, чтобы мать и Гленда восторжествовали.

А вот и сестра – направляется напрямик к Джеймсу. Как странно – ее взгляд устремлен не на его лицо, а в какую-то точку ниже талии.

Джесси заметила, как Джеймс, улыбнувшись, кивнул Гленде, прежде чем возобновить разговор с Дэниелом Реймондом, адвокатом, помогавшим бедняжке Элис начать жизнь сначала.

Но от Гленды так просто не отделаешься. Джесси распознала все тревожные признаки. Подбородок вздернут, грудь вызывающе выпячена вперед, и этот непонятный взгляд куда-то вниз. Гленда протянула мягкую белую ручку и коснулась рукава Джеймса. Тот, нахмурившись, вопросительно посмотрел на нее, но почти сразу же сказал что-то Реймонду и повел Гленду в центр зала. Они

закружились в вальсе.

Джесси заползла подальше в розовые кусты и быстро подбежала к прекрасному старому вязу, росшему посреди сада Бланчардов. Схватившись за толстую длинную ветку, она подтянулась и села. Нельзя, чтобы ноги болтались, – ее могут заметить. Поэтому девушка легла плашмя на ветку и набралась терпения.

Оставалось ждать.

Вальс давным-давно должен был кончиться. У Гленды было достаточно времени, чтобы «упасть в обморок». Но Джесси боялась пошевелиться. Что, если они уже в саду и она их просто не слышит? Что, если кто-нибудь остановится под деревом и случайно поднимет глаза? Ее просто поймают, как воровку, и тогда всему конец.

Левая нога затекла. Джесси попыталась потрясти ею в воздухе, но это не помогло. Почувствовав, что скользит, девушка судорожно схватилась за ветку и расцарапала щеку.

Но тут раздались чьи-то голоса, и Джесси замерла. О Господи, они уже почти под деревом. Только Гленды не было. Это двое мужчин, и один из них – Джеймс. Они громко спорили.

– Послушайте, Уиндем, я собрался ее купить, и вас это не касается.

Джесси узнала хриплый бас Мортимера Хэки. Злобный, подлый тип, заполучивший состояние неведомыми путями. Его жокей всегда старался ударить хлыстом остальных жокеев, оказавшихся рядом во время скачек.

– Не понимаю, зачем я согласился прийти сюда с вами, – ответил Джеймс. – Мне больше нечего вам сказать, Хэки. Элис собирается учиться управлять племенной фермой сама, поэтому забудьте об этом.

– Сукин сын! Как вы смее вмешиваться! Черт, да я даже мог бы жениться на этой маленькой штучке, кто знает. Аллен утверждал, что в постели она ни на что не годится, но мне плевать. Зато я заполучу ферму.

– Повторяю в последний раз, Хэки, оставьте Элис в покое. И если я услышу, что вы снова докучаете ей, изобью до полусмерти.

– Ты угрожаешь мне, чертов маменькин сынок, со своими английскими фокусами!

Судя по голосу, он был разъярен до такой степени, что Джесси до смерти перепугалась. Однажды он говорил таким же тоном с жокеем, проигравшим скачку, прежде чем раскрыть тому хлыстом лицо.

Девушке удалось осторожно вытащить из кармана пистолет и сесть верхом на ветку, чтобы получше разглядеть споривших. От увиденного кровь застыла у нее в жилах.

Мортимер Хэки держал Джеймса на прицеле.

– Никто не знает, что вы здесь, Уиндем. Я специально следил. Ни один человек не обратил на нас внимания. Я знаю все о вас и Элис Белмонд. Как я слышал, вы спали с ней, пока бедняга Аллен гонялся за каждой шлюхой в Балтиморе. Но вы откажетесь от нее. И не станете мешать. Иначе, Уиндем, я просто вышибу ваши жалкие мозги.

– Спал с Элис? Глупый ублюдок!

Хэки взвел курок, но в это мгновение Джеймс кинулся на него и схватил за руку, выворачивая ее вверх. Раздался грохот выстрела, и на них посыпалась листва. Мужчины, сцепившись, покатались по земле, награждая друг друга тумаками. Джесси увидела, как Джеймс, потяжелее и помоложе Хэки, ударил его в живот. Хэки взвыл, вырвался и, вскочив на ноги, снова поднял пистолет.

– Ты, жалкий щенок, тварь...

– Джеймс? Где вы? – раздался голос Гленды. Джеймс не шелохнулся. Хэки на секунду отвлекся, и Джеймс прокричал:

– Не подходите, Гленда!

Хэки громко расхохотался.

– Подонок поганый, я...

Джесси прицелилась и выстрелила. Послышался удивленный крик, затем протяжный стон. Секунду назад она прижимала пистолет к плечу, а сейчас отдача толкнула ее обратно. Девушка в отчаянном порыве попыталась схватиться за ветку, но лишь расцарапала пальцы и, потеряв равновесие, с шумом рухнула вниз.

Джеймс успел взглянуть в направлении неожиданного выстрела, но тут Джесси свалилась ему прямо на голову. Джеймс растянулся на земле, а сверху на него плюхнулась Джесси.

Мортимер Хэки стоял над ними с пистолетом в руке.

– Господи Боже, Джесси Уорфилд! Ты пыталась меня убить, чертова ведьма! Прострелила ногу! Я из тебя...

У Джеймса все поплыло перед глазами, но каким-то чудом он умудрялся держаться. Заметив, как разозлен Хэки, он вообразил, что тот попытается убить Джесси, и приготовился закрыть девушку своим телом. Но в этот миг снова послышался крик Гленды:

– Джеймс!

И тут же миссис Уорфилд набросилась на дочь с упреками:

– Но, дорогая, ты не должна гулять по саду с нашим милым Джеймсом! Неужели ты не знаешь, какие ходят слухи? И что это означает! Поостерегись, Гленда... постой, что-то тут неладно. А где же Джеймс?

Они были всего в нескольких шагах от дерева. Джесси ошеломленно трясла головой, чтобы хоть немного прийти в себя. Джеймс тяжело дышал, но не шевелился. Джесси испугалась, что он потерял сознание, но все же кое-как выдавила из себя:

– Мистер Хэки, вам лучше убраться отсюда. Вы не сможете убить нас обоих. В саду, кроме нас, еще люди. И я не хотела ранить вас в ногу. Говоря по правде, я целилась в руку.

Мортимер Хэки цветисто выругался, пнул Джеймса в ребра, а Джесси – в бедро и направился к садовой калитке.

Джесси приподнялась на локтях и начала похлопывать Джеймса по щекам.

– Ну же, Джеймс, очнитесь. Простите за то, что свалилась на вас. Пожалуйста, очнитесь. Только бы все обошлось!

Джеймс моргнул и открыл глаза. Джесси лежала на нем, прижавшись грудью к его груди. Лицо девушки было так близко, что он чувствовал ее теплое дыхание. Не будь так темно, он смог бы сосчитать веснушки у нее на носу.

– Ты убила меня, – с трудом выговорил он. – С тобой все в порядке?

– Немного испугалась. Дайте мне минутку, и я с вас слезу.

– Не торопись, – разрешил он и поднял руки, чтобы немного подтолкнуть ее. Правая нога болела – на нее пришлась основная тяжесть. – Сейчас ты кажешься настоящей женщиной, Джесси.

– Но... но я и есть женщина. О небо, я понимаю, о чем вы.

– Не стоит напускать на себя девическую скромность. Вдохни поглубже и сползай...

– Я слышала голоса Гленды и матери.

Джеймс не успел столкнуть с себя Джесси. У нее тем более не осталось никакой возможности вскочить и выбежать из сада.

– О Господь милостивый! – завопила миссис Уорфилд. – Гленда, это твоя сестра с Джеймсом! Святители, да она лежит на нем! Как это могло произойти?

Внезапно в наступившей тишине прогремел еще один разъяренный женский голос:

– Джеймс, дорогой мальчик, почему это Джесси лежит на тебе? Обнимает и гладит?!

Джеймс не верил своим ушам. Неужели это ему не пригрезилось? Откуда взялась его мать?! Сзади послышался возбужденный гул. Кажется, все гости собрались здесь!

Джеймс закрыл глаза. Нет, это невозможно!

– Джесси Уорфилд, подлая сучонка! – взывала Гленда. – Отойди от Джеймса! Он мой! Ты его не получишь! Подумать только, отдаться ему прямо здесь, в саду! И опять она в мужских штанах!

– Ну, – заключила Порция Уорфилд, воинственно подбоченясь, – кажется, мы попали в переделку, да еще какую! Но не волнуйся, Гленда, дорогая, все образуется.

– О Господи, – охнул Джеймс.

Джесси была измучена, покрыта синяками; все тело надсадно ныло. Впрочем, и Джеймс чувствовал себя не лучше.

Девушка, обхватив чашку ладонями, медленно пила чай, наслаждаясь каждым глотком, пытаясь согреться. Джеймс пил бренди, задумчиво глядя в пространство.

Они сидели в гостиной миссис Уиндем, по мнению Джесси, весьма мило обставленной, если не считать того, что ей действовали на нервы бесчисленные оттенки персикового цвета. Светло-персиковая парча на диване, темная – на креслах и стульях. Повсюду тона персикового.

Миссис Уиндем жила по соседству от Бланчардов, и именно поэтому здесь собрались все участники скандала.

Джесси хотелось лишь одного – умереть. Она снова взглянула на Джеймса. Он уставился на каминную полку с таким видом, словно решил съесть ее или немного пожевать и выплюнуть в кого-нибудь, скорее всего именно в Джесси.

Отец, мать и Гленда тоже были здесь, но, к счастью, еще не успели высказаться.

Миссис Уиндем восседала на диване напротив Джесси и казалась погруженной в глубокую задумчивость.

Наконец Гленда грациозно порхнула к креслу Джеймса и опустилась на колени.

– Джеймс, не следует ли послать за доктором Хулахеном и попросить его вас осмотреть?

– Нет, – бросил Джеймс, не глядя на нее. – Он, без сомнения, возится с Хэки. Ты в ногу попала, Джесси?

– По-моему, да. Он вроде как приплясывал на левой ноге. И пинал вас левой.

– И тебя тоже. В бедро?

– Да, но ничего страшного.

– Оливер, ты готов меня выслушать?

Оливер Уорфилд с силой потер челюсть.

– Не знаю, Джеймс. Я видел Джесси, распростертую на тебе. Видел, как она тебя целовала.

– Она не целовала меня.

– Но гладила по лицу. Все это заметили. Свидетелей полно. Ну да ладно. Что ты хотел объяснить?

– Я поспорил с Мортимером Хэки. Он намеревался прибрать к рукам Элис Белмонд и ее племенную ферму. И потребовал, чтобы я не вмешивался. Спор становился все горячее, пока не перерос в ссору. Я не собирался идти с ним в сад, но пришлось – не устраивать же сцену посреди бального зала Бланчардов. Слухи дошли бы до Элис и расстроили ее. Когда он вытащил пистолет, я бросился на него. Пуля пошла в небо. Он явно брал верх, и я врезал ему кулаком в живот. Хэки вырвался и снова прицелился в меня. И тогда раздался еще один выстрел, и Джесси свалилась с дерева прямо мне на голову. Вот и все.

Оливер Уорфилд вздохнул.

– Не понимаю, почему ты очутилась там, Джесси, – вставила миссис Уорфилд. – Ты не собиралась на бал к Бланчардам. И откуда у тебя пистолет? Что ты делала на том дереве?

Все, включая Джеймса, воззрились на Джесси. Она не сводила глаз со своих исцарапанных пальцев, больше всего на свете желая в данную минуту приобрести оттенок персикового цвета и раствориться в узоре ковра на полу гостиной. Взглянув на Джеймса, девушка каким-то образом поняла: он не захочет узнать правду о том, что заставило ее взобраться с пистолетом на чертов вяз, во всяком случае, не перед собравшимися.

– Кстати, интересно, почему в саду внезапно оказалось так много людей? – поспешно осведомился Джеймс. – Я слышал, как Гленда окликает меня, а вы, миссис Уорфилд, спрашиваете Гленду, где я.

– О, ничего особенного, не стоит вашего внимания, – небрежно бросила миссис Уорфилд и обратилась к Вильгельмине: – Я с удовольствием выпила бы еще немного чая, дорогая.

– Так вот оно что, – медленно выговорила Вильгельмина, глядя на давнюю подругу, которую всю жизнь унижала и третировала. – Вы попросили меня выйти в сад и привести побольше друзей, потому что там нас ждет восхитительный сюрприз, особенно меня. Боже, вам потребовалось как можно больше свидетелей! Я говорила Гленде, что вы холодная, расчетливая, хитрая интриганка, Порция, но на этот раз ничего не выйдет. Вы хотели, чтобы все увидели Гленду и Джеймса вместе? Расставили ему ловушку и даже не посоветовались со мной?

– Нет!

– Да, Порция. Взгляните на Гленду. Она краснее рака, а на лбу с успехом может висеть табличка «Виновна». Но Хэки и Джесси сорвали ваши замыслы. Теперь репутация Джесси погублена, мой сын получил клеймо соблазнителя молодых девиц, и вам не стоит отрицать, что вы и Гленда задумали поймать Джеймса в сети брака. Если бы вы догадались во все посвятить меня, я помогла бы вам справиться с трудностями. Но вы предпочли промолчать, и поглядите, что из этого вышло!

Джесси почувствовала, что с нее довольно. Она ухитрилась кое-как подняться на ноги, даже не застонав от боли.

– Это просто смехотворно! При чем здесь моя репутация?! Кроме того, я последняя девушка на Земле, которую Джеймс попытался бы соблазнить. Все вы прекрасно понимаете, что это дурацкое недоразумение и ничего больше. Я отправляюсь домой. Отец, ты едешь со мной?

– У тебя все лицо расцарапано, – заметил Джеймс, медленно вставая. – Промой его хорошенько.

– Обязательно. И не волнуйтесь насчет Хэки, Джеймс. Завтра он выставит на скачки свою клячу-трехлетку, и я постараюсь, чтобы его жокей приземлился прямо в грязь.

– Джесси, занимайся своими делами и не суй нос в мои. Ну, надеюсь, все выяснено и на этом вы успокоитесь?

– Все-таки я не поняла, что Джесси там делала, – вмешалась миссис Уорфилд, вскакивая и обращаясь к дочери. – Что тебе понадобилось на этом дереве, Джесси?! Мне нужна правда.

В следующее мгновение Джеймс оказался рядом с девушкой.

– Я сыт всем по горло! Мне плевать, по какой причине Джесси пряталась на дереве, но я чрезвычайно этому рад. Думаю, она спасла мне жизнь, поскольку Мортимер наверняка бы меня пристрелил. Мне пора. Леди, Оливер, доброй вам

ночи.

– Я тоже ухожу, отец, – бросила Джесси и, хромая, побрела к двери, хотя мать громко вопила, призывая непокорную дочь остаться. Джеймс вышел вместе с ней.

– Пойдем, Джесси. Я провожу тебя домой. Это самое малое, чем я могу отплатить тебе за помощь.

Они ехали бок о бок по Шарп-стрит к Ватерлоо-роуд, а потом свернули на Калверт-стрит. Снова пошел дождь – с неба нескончаемыми потоками хлынула ледяная вода. Стояла непроглядная тьма, на мрачном небе – ни единой звездочки. На обоих были шляпы, но это мало что меняло. Дул сильный ветер, и косые струи били по спинам, забирались под воротники. Внезапный порыв ветра сорвал шляпу Джесси и закатил в канаву. Девушка поспешно схватилась за виски, но было слишком поздно.

– О Господи, – выдохнула Джесси, – эта была последней, что я смогла найти в сундуках.

Джеймс протянул свой цилиндр. Но девушка лишь покачала головой, и Джеймс снова нахлобучил его. Они дрожали от холода, молча проклиная дождь, и каждый гадал, о чем думает спутник. Наконец Джеймс, не выдержав, спросил:

– Джесси, почему ты сидела на дереве?

– Чтобы спасти вас.

– Спасибо, ты меня спасла. Но с какой целью ты оказалась на дереве с самого начала?

– Чтобы спасти вас.

Джеймс вздохнул, глотнув при этом дождевой воды.

– Я так и думал. Ты знала, что затеяли Гленда и твоя мать?

– Да, я действительно подслушивала, к счастью для вас, Джеймс. Так что нет смысла рвать и метать по этому поводу.

– О, ни за что. Но если бы ты не спасла меня от Мортимера и вероятной смерти, что бы ты сделала, Джесси? Прикончила Гленду, если бы та попыталась упасть в обморок, или начала бы расстегивать мои брюки?

– Нет, просто выстрелила бы в землю у ваших ног. Гленда ненавидит оружие и подпрыгивает как ошпаренная, услышав выстрел. Она помчалась бы со всех ног обратно в бальный зал.

– Но почему ты хотела спасти меня от Гленды?

Лишь сейчас Джесси осмелилась взглянуть на него. Мокрые волосы прилипли к лицу, плечам и спине. Губы посинели от холода. Она, должно быть, чувствует себя так же отвратительно, как выглядит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стоун – мера веса, равная 14 фунтам. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Героиня книги К. Коултер «Наследство Уиндемов» по прозвищу Дачесс – герцогиня.

Купить: https://telnovel.com/ru/koulter_ketrin/nasledstvo-valentiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)